

16+

Иса Утрау Остров Исы

по мотивам Евангелий

Раф Гази

Раф Гази

Иса Утрау – остров Исы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37406762

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-11115-8

Аннотация

«Иса Утрау» – «Остров Исы», написанный по мотивам Евангелия, с небольшой натяжкой можно отнести к еще одному ранее неизвестному варианту Нового Завета, в котором в увлекательной художественной форме освещается канва основных событий и даются к ним комментарии. Кто написал «Остров Исы»? В тексте автор сообщает о себе весьма скудные сведения. Читая книгу, мы узнаем, что он купец, что принадлежит к древнему роду ханифов-утигов, что на его родине выпадает белый пушистый снег, но его далекие предки жили когда-то и на границе с Палестиной.

Содержание

Предисловие	5
1	9
2	12
3	18
4	26
6	38
7	44
8	50
9	56
10	61
11	68
12	73
13	82
Послесловие	87

Иса Утрау

«Иса Утрау» – «Остров Исы» с небольшой натяжкой можно отнести к еще одному ранее неизвестному варианту Нового Завета, в котором в увлекательной художественной форме освещается канва основных событий и даются к ним комментарии.

Кто написал «Остров Исы»? В тексте автор сообщает о себе весьма скудные сведения. Читая книгу, мы узнаем, что он купец, что принадлежит к древнему роду ханифов–утигов, что на его родине выпадает белый пушистый снег, но его далекие предки жили когда-то и на границе с Палестиной.

Предисловие

Старые книги, набранные арабским шрифтом, в 30–е годы прошлого столетия в Советском Союзе активно уничтожались. Все, что написано арабской вязью считалось мракобесием и анахронизмом. Арабский алфавит сначала заменили латиницей, а потом – кириллицей.

Однако вымести все вчистую, конечно же, не удалось. Люди прятали древние книги в чуланах и сундуках. Отец мой рассказывал мне, что у них на чердаке хранилась целая библиотека истрепанных рукописей в дорогих кожаных переплетах. В голодные и холодные военные годы они пошли в дело: бумага использовалась в качестве растопки, а из кожи шились калоши. Разве мог знать 14–летний подросток, одурманенный советскими жрецами–идеологами, владельцем каких сокровищ он является!

И все же одна книжка из этой бесценной коллекции чудом сохранилась – я случайно наткнулся на ее, перебирая на чердаке нашего заброшенного старого дома вековой хлам.

Книжица была совсем тонюсенькая, но красиво оформленная, в кожаном переплете. К ней красной веревочкой были привязаны пожелтевшие листочки с текстом, написанным популярным арабским почерком насх. Как я понял, это был список оригинала, переведенный на более–менее понятный тюрки. На титульном листке легко прочитывался заголовок

«Иса Утрау» – «Остров Исы», а на последнем – была сделана приписка: «Перевел Мажит ибн Нажмет ибн Сайфи ибн Джафар ибн Якуб ибн Алмат ибн Ути в 1255 году хиджры». По григорианскому календарю – это начало 19 века.

Именно в это время жил переводчик «Острова Исы» Мажит – мой прапрадед. Автор же или, скорее всего, переписчик кожаной книги неизвестен. Можно лишь с большой долей вероятности утверждать, что это образец античной литературы, но ни греческой и не римской. Тогда какой? Трудно сказать. Ясно, что это памятник доисламской эпохи, поскольку в тексте «Острова Исы», хотя и используются обще-семитские термины и имена (возможно, как более поздние вставки), но они абсолютно лишены мусульманской окраски, которая была присуща средневековым восточным авторам. Мне не удалось выяснить, в какое время и на каком языке эта книга была написана – на древнем тюрки, фарси, арабском... Хотя буквы арабские, правда, начертанные каким-то ранее не встречавшемся мне стилем древнего почерка куфи. Более того, как мне кажется, что это довольно-таки ветхая книжица в кожаном переплете тоже не является оригиналом, а, похоже, списком еще более древнего документа, который, естественно, не мог сохраниться.

Почему я так думаю? Да потому что повествование в «Острове Исы» ведется от первого лица, автор рассказывает об известных и ставших уже легендарными событиями почти 2-х тысячелетней давности. Кто написал «Остров Исы»? В

тексте летописец сообщает о себе весьма скудные сведения. Читая книгу, мы узнаем, что он купец, что принадлежит к древнему роду ханифов–утигов, что на его родине выпадает белый пушистый снег, но его далекие предки жили когда-то и на границе с Палестиной.

Анализируя эти факты, я прихожу к выводу, что летописец «Острова Исы» мог быть выходцем из Древней Меотиды, что располагалась у берегов Меотского, сейчас Азовского моря (мне кажется, именно об этом море тосковал автор книги). Именно здесь некогда обитали племена кутигуров и утигуров, к которым себя причисляет автор «Острова Исы», говоря, что принадлежит к древнему роду утигов–ханифов. Под ханифами в данном случае нужно понимать единобожников.

А утиги, утигуры – одно из киммерийских племен, кочевавших в Малой Азии, в том числе и на границах с Палестиной.

«Иса Утрау» с небольшой натяжкой можно отнести к еще одному ранее неизвестному варианту Нового Завета, в котором дается не только канва основных событий, но и их комментарии. Я тешу себя робкой надеждой, что его автор, свидетель грандиозных исторических событий, повлиявших на ход развития всего человечества, является моим далеким предком. Теоретически это вполне допустимо. Из Меотиды часть утигурских родов переселилась в Итиль, где утиги впоследствии стали основой древнебулгарского этноса. Я ду-

маю, не случайно отцом–основателем моей семейной родословной значится Утиг. И тогда становится совершенно понятным, почему в нашей семейной библиотека сохранилась эта реликвия – книга «Иса Утару», созданная нашим далеким предком ханифом–утигом почти 2 тысячи лет назад.

Признаюсь, что перевод этого древнего манускрипта, точнее, перевод списка, который сделал мой прапрадед Мажит и адаптация его к современному русскому языку шла с большим трудом. Особенно, когда приходилось разбираться с различными географическими названиями, старыми именами и обозначениями. В основном они в книге давались в арабском или арамейском произношении, реже – в тюркском и фарси, а иногда – по–гречески и латыни. Я старался сохранять язык оригинала, создавая при этом обширные ссылки.

Что из этого получилось, судить вам, моим читателям.

1

Наше торговое судно потерпел крушение возле рыбацкого городка Байтсайда¹ в Киннерефском море² Это не море даже, а большое озеро с пресной водой, но все называют его морем, буду называть его так и я.

На берегу столпились байтсайдские рыбаки, не зная, как нам помочь. Разыгралась такая сильная буря, что они не рискнули спустить на воду свои чахлые баркасы. Матросы и пассажиры отчаянно боролись с набегавшими волнами, хватаясь за обломки тонущего корабля.

Не знаю, удалось ли кому еще тогда спастись, но я, благодаря провидению, выплыл. Огромная волна выбросила меня на песчаный берег вместе с отвалившейся мачтой, которую я крепко обнимал обеими руками. Мои одеревеневшие пальцы с трудом оторвал от мокрой мачты кряжистый рыбак по имени Кифас. Вообще-то, его настоящее имя было Шимун, и когда он привел меня в свое скромное жилище, все домоладцы так его и называли – Шимун³ Почему он стал прозываться Кифасом, я объясню чуть позже.

Шимун, состоя в браке с дочерью Аристоила и имея от нее

¹ – Вифсаида (Бет-Сайда (ивр.) – «Дом рыбной ловли»), город упоминаемый в Новом Завете

² – Галилейское море, евангельское название озера в Палестине

³ – апостол Петр (скала, камень), первоначально назывался Симоном

двух детей, содержал помимо них тещу и своего престарелого отца Иона. С ним также жил и его младший брат Андри, который тоже был рыбаком, и не успел пока жениться.

Несмотря на бедность, щедрый сердцем рыболов приютил в своей тесной хижине еще теперь и «утопленника», то есть меня. За что я ему премного благодарен. А особенно благодарен за то, что обучил меня рыболовецкому ремеслу и стал брать с собой в море. Заработки у рыбаков от проданного улова были не ахти какими – за всеми вычетами и налогами оставался динарий⁴ если повезет – два. Но появилась хоть какая-то надежда, что мне удастся собрать необходимую сумму и вернуться на свою родину, по которой я уже сильно скучал. Обстоятельства однако сложились таким образом, что пришлось задержаться в Байтсайде на целый год.

... В то памятное утро рыбаки, как обычно, собирались в море. Киннереф, так жестоко расправившийся с нашим торговым судном, выглядел вполне мирно. Легкая рябь едва волновала его фиолетово–синеватую гладь. Ожидался отменный улов.

Шимун с Андри⁵уже сидели в лодке, рядом возились с рыбацкими сетями Якуп и Яхья⁶они тоже были братьями. Спускаясь по тропинке с холма к морю с котомкой за плечами, в которой была припасена нехитрая провизия (сушеная рыба

⁴ – название римской серебряной монеты

⁵ – апостол Андрей Первозванный, брат апостола Петра

⁶ – апостолы Иаков и Иоанн Зеведеевы

и хлеб), я заметил, как к рыбакам приближается какой-то человек в белом хитоне. Сухощавый, чернобородый, средних лет мужчина легкой походкой подошел к рыбацким шхунам.

– Ты Шимун, сын Иона, – утвердительно сказал незнакомец, обращаясь к старшему из братьев. – Теперь ты будешь зваться Кифасом. Идите все за мной.

– А где ты живешь, Усто? – рыбаки сразу догадались что это был какой-то учитель.

– Придете и сами увидите.

Рыбаки послушно побрели вслед за ним. «Возможно, этому человеку понадобилась какая-нибудь помощь», подумал я. Когда Шимун, то есть теперь уже Кифас, обернулся, я поднял руки вверх, показывая мешок со снедью, мол, с ним-то что делать? Но Кифас лишь досадливо отмахнулся, дескать, потом, потом, сейчас не до этого. Я остался один на пустом берегу среди брошенных сетей, пребывая в полном недоумении и растерянности.

2

Шимун, извините, Кифас появился со своим братом дома лишь ближе к вечеру. Наскоро перекусив, они удалились в дальний угол комнаты и стали там о чем-то шептаться. До меня доносились лишь обрывки отдельных фраз.

Братья абсолютно не походили друг на друга, словно родились от разных матерей. Кифас был человеком простым и добродушным, но в минуты гнева вскипал, как Киннерефское море в шторм. Вся его кряжистая плотная фигура, грубые, будто топором вырубленные черты обветренного лица, выдавали в нем человека не книжного, а земной рабочей профессии. Андри же обладал мягким и незлобивым характером, был тонок и строен телом, на белом и нежном, почти девичьем лице его, когда он волновался и спорил, часто выступал розоватый румянец. Внешностью и натурой своею он более напоминал брата рыбака Якупа – Яхью. Мне кажется, что оба они, и Андри, и Яхья, не познали еще вкус женщины и были девственниками.

Любопытство все же взяло вверх, и я, рискуя прослыть невоспитанным и неучтивым постояльцем, незаметно придвинулся поближе к говорящим, чтобы услышать, о чем-же они там так страстно шушукаются. Братья, увлеченные спором, ничего не заметили. Как я догадался, речь шла об их

новом знакомце, которого звали Иса⁷ Братья гадали, масих он или не масих. Масих⁸ насколько я мог перевести это слово, – человек, помазанный маслом. Мне было непонятно, почему это так важно – помазан кто-то маслом или нет. Но обратиться к братьям с расспросами было неудобно – могли подумать, что я специально подслушиваю, хотя именно этим я и занимался, как не стыдно мне в том признаться...

Так и не определив, как им обращаться к Исе, которого братья почитали за усто⁹– учителя, рыбаки стали высказывать предположения по поводу нового имени Шимуна. «Кифас» по–арамейски означает «камень», и было непонятно, почему Иса назвал Шимуна камнем.

– Усто назвал тебя так, имея в виду твой твердый и решительный характер, – высказал догадку Андри.

– Как он мог тогда, в первые минуты нашего знакомства, знать, какой у меня характер? – недоумевал старший брат.

На следующий день Кифас и Андри вновь отправились в город. На второй – тоже. И на третий день их опять не было дома. Рыбная ловля была забыта и заброшена.

А вечерами братья теперь все время спорили. И в спорах этих часто возникало это таинственное слово «масих». К то-

⁷ – Иисус (Иешу ха–Ноцри – Иисус из Назарета)

⁸ – машиах – буквально помазанный, в иудаизме – идеальный царь, потомок Давида, который будет послан для избавления народа Израиля, первоначально это определение применялось к царям Израиля и Иудеи

⁹ – усто (фарси) – уважительное обращение к мастеру, учителю

му времени я уже знал, что оливковым маслом или елеем обмазывают не всех подряд, а только царей и первосвященников.

– Что тут гадать, – подвел черту в разговоре прямодушный Кифас, – в следующий раз я прямо обращусь к нашему усто, как к масиху, посмотрим, как он на это отреагирует.

Случай представился довольно скоро. Теща Кифаса лежала в горячке. Иса пришел к нам в дом и снял жар одним прикосновением ладони к больной старушке.

Точно уж не помню, то ли в тот же день, то ли в какой иной, Иса спросил:

– За кого вы меня почитаете?

– Ты – масих! – воспользовавшись моментом, провозгласил Кифас.

Прежде чем рассказать, что произошло дальше, я попытаюсь объяснить, что означает сие загадочное слово «масих». Честно говоря, я и сам не смог до конца его разгадать. Наверное, проникнуть в его тайное значение и невозможно, если в твоих жилах не течет яхудейская¹⁰ кровь, если твои гены не помнят рабства в Мисре¹¹, сорокалетнего блуждания по пустыне, разрушения Храма и Вавилонского пленения... И все же я наберусь смелости и выскажу свои соображения. Пусть они будут неточными и неполными, но все равно это лучше, чем не будет вообще никакого разъяснения. Ибо то-

¹⁰ – иудейская

¹¹ – Египет

гда читателям совсем трудно будет представить, почему известие о том, что в Байтсайде появился «масих» произвело такой невообразимый переполох не только в аль-Джалиле¹² но и во всей Яхудеи¹³

Как растолковал мне Андри, масих – это не просто царь или первосвященник, помазанный оливковым маслом, как я раньше думал, а – помазанник Божий. Если я правильно понял, масих – это мессия, спустившийся с Небес на грешную Землю, чтобы избавить всех яхудеев от земных тягот и дать им лучшую жизнь. Можно сказать, что весь смысл земной жизни яхудея только в этом бесконечном ожидании масиха и заключается. Масих – это почти Господь Бог, или, как говорят сами яхудеи, Яхве, Элохим, Элоах, а по-арамейски – Алах.

Представьте себе состояние местных рыбаков, когда они услышали о том, что сын плотника Юсуфа из Насары¹⁴ по имени Иса преспокойненько прогуливается по улочкам Байтсайды в образе масиха! Это же небывалое событие! Вот почему в последнее время так возбуждены и взвинчены были мои новые друзья Кифас, Андри, Яхъя, Якуп, Варнав¹⁵ и другие жители маленького рыбацкого городка.

¹² – Галилея

¹³ – Иудея

¹⁴ – Иосиф, плотник из Назарета, муж Блаженной Приснодевы Марии, приемный отец Иисуса

¹⁵ – апостол Варнава, родился на острове Крит

Вот теперь, когда вы представили, что такое для яхудея «масих», я продолжу свое повествование и вернусь к реакции Исы на восклицание Кифаса «ты – масих».

– Не ты сам, Кифас, открыл это, а помог тебе Отец наш Небесный, – сказал Иса. – Потому я и назвал тебя Кифасом – камнем, на котором я создам общину мою, и дам тебе ключи к Небесному острову любви (или Небесному царству любви – смысл этих последних слов я точно определить не смог).

Потом Иса стал говорить о каких-то невероятных страданиях и муках, кои ему предстоит в скором времени испытать. На что простодушный Кифас легкомысленно заметил:

– О чем ты говоришь, Усто! Не случится никогда этого с тобою!

– Изыйди, Иблис!¹⁶Твои слова – для меня соблазн.

Так передал мне этот разговор Яхъя, которого Иса назвал своим любимым шакирдом¹⁷– учеником.

Варнав – родственник Кифаса – тоже об этом вспоминал, но немного по-другому. Да, признает Варнав, Иса очень сильно рассердился на Кифаса, так сильно, что даже хотел изгнать его из рядов своих шакирдов. Когда на вопрос Исы «что же вы думаете обо мне» Кифас ответил «ты– масих», усто в ярости вскричал:

– Уйди прочь с глаз моих, ибо ты Иблис, ищущий меня оскорбить!

¹⁶ – Сатана

¹⁷ – ученик, студент

То есть, Варнав, в отличие от Яхьи, опустил в своем рассказе целый кусок. А именно: объяснение Исы, почему он назвал Шимуна Кифасом (камнем) и последовавшие за сим предсказания о своих будущих страданиях (возможно, даже мученической смерти), а также заявление Кифаса «не случится никогда этого с тобою!» Или Варнав эту часть разговора Исы с Кифасом не слышал, или ее действительно не было – кто сейчас разберет!

За что разгневался Иса на Кифаса? Если верить Яхьи, то за его фразу «не случится никогда этого с тобою!» Если верить Варнаву, то за его возглас «ты– масих!»

Далее, по описанию Варнава, остальные шакирды, и он сам в том числе, стали упрашивать Ису, чтобы тот не прогнал Кифаса. Иса просьбам внял, однако строго предупредил:

– Останься, но впредь убойся говорить такое, иначе тебя настигнет страшная кара.

– Прости меня, усто, по неразумению рёк я сие, – залился горячими слезами перепуганный Кифас и был прощен.

Признаюсь, я до сих пор не знаю, кто более точно передал этот случай – Яхья или Варнав. А спросить напрямую у самого Кифаса, у меня не хватило духу.

3

Всякий дом хозяином держится, говорят яхудеи. Но братья совершенно отбились от дома, особенно Андри. Кифасу, как главе большего семейства, нужно было кормить своих домочадцев, и он время от времени спускал свою латаную–перелатаную лодку на воду и уходил в море. А младший брат настолько привязался к своему усто, что бегал за Исой, как ниточка за иглой.

Но в тот день оба брата были дома. Не погодилось, накрапывал мелкий дождь. Киннереф хмурился и шумно бился пенящимися волнами о прибрежные камни. Мы сидели в сенях под навесом, я помогал Кифасу чинить порванную сеть, а Андри натирал бархатной тряпочкой и без того блестящую мезузу¹⁸– латунный оберег, прибитый к дверному косяку.

Мне было грустно, можно сказать даже тоскливо. Поскольку наш рыбный промысел из-за частых отлучек братьев почти свернулся (без Кифаса и Андри я не мог самостоятельно рыбачить), мои накопления тоже прекратились. Получилось точно по пословице: работать есть где, а заработать нигде. А раз нет заработков, значит, и нет дня отъезда.

Если кому интересно, скажу, что я принадлежу к древне-

¹⁸ – свиток пергамента из кожи со специальной оберегающей молитвой, помещаемый в твердый футляр

му роду утигов–ханифов¹⁹ а в аль–Джалиль²⁰ меня привели торговые дела. Я и раньше часто отрывался от домашнего очага, и привык скитаться по свету, мне это даже нравилось – новые страны, новые люди, новые впечатления. Последнее же мое путешествие мало того, что сильно затянулось, оно меня полностью разорило. Но главное – я начал скучать по своим родным и близким. Я давно не видел больного отца и так преданно ухаживающую за ним мать, которая тоже перед моим отъездом, словно предчувствуя долгую разлуку, все чаще стала жаловаться на здоровье, хотя никогда прежде этого не делала. Вот привезти бы к ним Ису, он бы вмиг их вылечил, неожиданно подумал я, украдкой смахнув случайно набежавшую слезу рукавом пропахшей морем рыбацкой накидки. Но я даже не знал, живы ли мои родители или их души уже унеслись в мир иной. Хорошо, хоть я не женат, и у меня нет детей...

Братья на этот раз молчали, не спорили, каждый думал о чем-то своем. И тут к нам в сени ворвался Варнав, вспугнув мирно воркующих на потолочной балке голубей своим громовым басом:

– Иса едет в Кану!²¹Его пригласили на свадебный пир! Собирайтесь, мы тоже туда пойдём.

¹⁹ – утиги – древнее киммерийское племя утигуров, ханифы – единобожники, возможно, в данном контексте тенгриане

²⁰ – Галилея

²¹ – Кана – город в Галилее

Голуби, шурша крыльями, в беспокойстве вспорхнули к потолку. Услышав имя своего любимого усто, взволновались и братья.

– Нас на пир не приглашали, как же мы туда попадем? – засомневался однако Кифас.

Вопрос был резонным – кто допустит рыбацкую гольтьбу на богатую яхудейскую свадьбу! Варнав был братом Аристоила, дочь которого взял в жены Кифас, то есть, Варнав приходился ему двоюродным тестем. Варнав жил зажиточно, и часто ходил по пирам.

– Свадьба уже заканчивается, после нее и вы сможете увидеть Ису, – обнадежил рассудительный Варнав. – Собирайтесь, пойдем вместе.

Братьев долго упрашивать не пришлось. Меня тоже живо начало волновать все, что связано с Исой, поэтому я увязался за ними, хотя меня, чужестранца, уж точно на кошерной свадьбе никто не ждал.

Ису в его походах по аль–Джалилю и Яхудеи почти всегда сопровождали шакирды. Иногда это была небольшая группа, в которую чаще других Иса призывал Кифаса, Яхью и Андри. Иногда собиралась команда побольше. А иногда за Исой народ валил целой толпой, в которую незаметно старался втесаться и я. Несмотря на то, что одевался я теперь в полном соответствии с местными обычаями, не забывая покрыть голову яхудейской кипой²², я все равно боялся, что

²² – традиционный еврейский мужской головной убор

моя не совсем характерная для здешних мест физиономия вызовет чье-то неудовольствие. Правда, по яхудейским городам и весям свободно расхаживали представители других племен и народов, например, гордые римляне и чванливые еллины²³ Однако первые, как завоеватели Яхудеи, относились к управляющему сословию, а вторые – к ученому и торговому; и ни те, ни другие так тесно, деля с ними пищу и кров, не общались с яхудеями. В первое время в толпе сопровождавших Ису лиц римско–еллинских профилей я что-то не замечал. Они замелькали гораздо позже, когда Иса приобрел широкую славу искусного лекаря.

Когда мы из Байтсайды пришли в Кану, одновременно с нами, так чудесным образом совпало, прибыв из Насары, со своими родственниками в город вошел и Иса. Все были одеты по–праздничному. Впереди, рядом с Исой шли его отец Юсуф, грузноватый мужчина с кучерявой бородой и мать Марьям, женщина с легкой фигурой и удивительно светлым ликом. Позади двигались его младшие братья – Якуп (тезка байтсайдского рыбака, приближенного шакирда Исы), Юсуф (третьего сына назвали именем отца), Шимун (так раньше звали Кифаса) и Яхуд(тезка Яхуда Искарриота²⁴, который впоследствии предаст Ису). Народ расступился, давая долгожданым гостям дорогу.

– Иса пришел, Иса пришел! – заголосили ребятишки и,

²³ – греки

²⁴ – Иуда Искарриот

чтобы предупредить хозяев, вбежали во двор, где были накрыты свадебные столы и пир шел горой.

Бывали ли вы когда-нибудь на яхудейской свадьбе? Я нет, но слышал и видел издали, как весело и шумно она проходит! Сколько здесь цветов, музыки, танцев! Какими изысканными яствами потчуют тут дорогих гостей! Вам нигде, как только на яхудейском пиру, не удастся испробовать щедро сдобренный луком, чесноком и хреном нежнейший адумит²⁵ – фаршированную красноватую рыбу, источающую свой терпкий аромат на всю округу. А сколько на этом хмельном пиру бывает выпито вина!

Кстати, о вине. Свадьба длилась обычно неделю – после шабата и до шабата²⁶ и когда Иса со своими родственниками прибыл на пир, он уже подходил к концу. Все вино к тому времени было выпито.

На этой свадьбе, говорят, Иса преподнес жениху отличнейший подарок. Когда Марьям указала своему старшему сыну на то, что у хозяев закончилось вино, Исаотреагировал на это довольно странно.

– Не настал еще мой час, – ответил он матери.

Та, кажется, не поняла смысла этих слов, но повелела распорядителю пира следовать приказаниям сына. Иса же, похоже, никаких указаний давать сначала не хотел, но потом пе-

²⁵ – рыба, упоминаемая в Новом Завете, – *sarotherodon galilaeus*, галилейская тилапия

²⁶ – суббота, день недели, праздничный у евреев

редумал и попросил наполнить до верха водой шесть огромных кувшинов, которые стояли в углу двора. Каждый из сосудов вмещал по 15–20 литров. Когда слуги натаскали воды, Иса... внимание, это очень важно! – Иса превратил эту воду в вино! Сразу, мгновенно! Причем, кувшины до сего момента были пустыми, там не было ни грозди винограда, ни капли перебродившего сока. Вообще, в кувшинах этих вино никогда и не хранилось, они предназначались совсем для другого – для ритуального омовения рук. Поскольку гости гуляли кряду уже несколько дней, и их было много, то иссякло не только вино, но и вода для омовения, которую также использовали еще и для миквы²⁷ – ритуального окунания невесты.

Слуги черпали ковшами жидкость из кувшинов и разливали гостям, но Иса запретил говорить, откуда они приносили вино. Иначе мог возникнуть скандал из-за того, что винный напиток был разлит в неподобающие для этого ритуальные сосуды. Когда распорядитель пира пригубил это новое вино, то от удивления причмокнул языком и одобрительно кивнул головой в сторону Марьям – матери Исы. Вино было отменного качества! И он тут же, отдернув полотно, отделявшее женскую часть столов от мужских, и отыскав глазами отца жениха, побежал делать ему замечание – яхудейская свадьба проводилась или в доме жениха, или в доме отца жениха. Дело в том, что согласно неписанным правилам

²⁷ – сосуд или яма, предназначенная для совершения обрядов религиозного очищения

свадебного этикета в первые дни пиршества следовало подавать на столы лучшее вино, а в последние дни – худшее. Тут же произошло все наоборот.

Шесть огромных кувшинов отборного вина – вот какой царский подарок к концу свадьбы припас Иса для новобрачных!

Это было первое публичное чудо, совершенное Исой. Его шакирды долго потом пережевывали эту историю, ища в ней какой-то тайный, скрытый смысл. Говорили, например, что загадочные слова Исы «не настал еще мой час» нужно понимать в том смысле, что на свадьбе в Кане он не хотел еще являть миру свои сверхъестественные способности, он планировал сделать это позже, но потом передумал и все же явил. А что касается вина, почему новое вино оказалось вкуснее прежнего – этим Иса якобы хотел сказать, что его учение лучше старого закона Мусы.

Что касается меня, не хочу кощунствовать, но мне кажется, что гости просто перепились и не могли отличить воды от вина...

Вообще, забегая несколько вперед, я должен признаться, что у меня сформировалось... как бы это помягче выразиться... несколько скептическое отношение к чудесам, которые творил Иса. Возможно, это от того, что сам я не все эти чудеса видел своими собственными глазами, а лишь слышал о них в пересказе других. Наверное, чудес было и больше, но мне известно только о семи «знамениях» Исы. Ах да, вспом-

нил, при мне Иса одним прикосновением руки снял горячку с тещи Кифаса. Это уже восьмое чудо. Об одном из них – превращении воды в вино – я уже рассказал. Перечислю оставшиеся.

Насыщение пяти хлебами и двумя рыбинами 5000 человек вблизи Киннеретского озера, хождение по воде на море аль-Джалиль, воскрешения Лазаря из мертвых, излечение сына высокопоставленного чиновника в Капернауме, излечение больного в купальне у Овечьих ворот и возвращение зрения слепому в Иерусалиме. Некоторым чудесам исцеления – я сам свидетель, и могу под присягой подтвердить, что они на самом деле случились, это сущая правда! В том, что Иса – величайший лекарь у меня ни капли сомнения нет.

А остальные «знамения»... Не могу сказать, не видел, не знаю. Может, были, а может, и шакирды придумали, чтобы придать еще более веса и значимости своему горячо любимому учителю.

Приближался главный яхудейский праздник Песах – исход из Мисра²⁸ В доме Кифаса, как и в жилищах других рыбаков, шла генеральная уборка – все драилось и очищалось, из самых дальних углов выметался мусор. Вместе с нежными весенними лучами солнца в раскрытые окна врвался свежий морской воздух, освежая дыхание наступающего Песаха.

Старик Ион в сопровождении внука и внучки торжественно обходил все комнаты, тыкая своей клюкой во все закоулки в поисках хамеца²⁹ – остатков какой-либо мучной выпечки из старой закваски. Хотя все знали, что дома хоть шаром покати, что все крошки хлеба давно найдены и съедены, обряд поиска хамеца все равно неукоснительно исполнялся.

Как разъяснил мне Кифас, обряд этот очень древний, и связан с поспешным бегством яхудеев из Мисра. Беглецы так быстро собрались в дорогу, что испекли хлеб из муки, которую не успели заквасить. В память об этом, яхуды на Песах готовят пресный хлеб – мацу³⁰ и освобождаются от хамеца.

²⁸ – Пёсах (по–гречески и по–русски – Пасха) – главный иудейский праздник в память об Исходе из Египта, празднуется в течение 7 дней

²⁹ – любое мучное блюдо, при приготовлении которого в тесте произошел процесс брожения

³⁰ – лепешки, изготовленные из незаквашенного теста

Мацу на Песах готовила теща Кифаса с невесткой по особому рецепту – главное, не передержать тесто, иначе маца будет некошерной³¹ Кошерную мацу съедают во время праздника вместе с Курбан Песах³²– жертвенным ягненком, обязательно приправленным марором³³– горькой травкой. Вкус марора должен напоминать благоверным яхудеям о горьких годах рабства в древнем Мисре, пока наби Муса³⁴ не вызволил их из плена. Еще один неперемный атрибут Пасеха – красное вино. Каждый взрослый яхудей, вне зависимости от того, беден он или богат, должен осушить во время праздничного молебна 4 полные чаши.

Совершив необходимые приготовления, оставив дома стариков, женщин и детей, Кифас с Андри отправились в Иерусалим. Они надеялись встретить там своего любимого Усто. Паломничество к Иерусалимскому храму в дни празднования Пасеха было если не обязательным, то весьма желательным для всех верующих. Поэтому вероятность того, что там будет и Иса, была очень высока. С братьями в Иерусалим напросился и я, клятвенно заверив, что во внутрь храма не зайду (неяхудеям вход туда был строго воспрещен), а только

³¹ – кошерная пища – Кашрут – термин в иудаизме, означающий дозволенность или пригодность чего либо с точки зрения Галахи (совокупности законов и установлений иудаизма)

³² – пасхальная жертва называется «корбан песах» (в русском варианте – «пасха»)

³³ – горькая зелень (от хрена до листьев салата)

³⁴ – пророк Моисей (ивр. Моше)

постою в отдалении.

Когда мы пришли в Иерусалим, столичный град, как муравейник, кишмя кишел паломниками, съехавшимися сюда со всей Яхудеи и других стран. Все подходы к главному храму были забиты повозками, запряженными, в зависимости от благосостояния их хозяев, волами, лошадьми или ослиами. А паломники из пустыни прибыли в Иерусалим на верблюдах, которые оглашали всю округу своим испуганным ржанием. Воздух был насыщен запахом лошадиного корма, густым животным потом, ослиной мочой и пометом... Со двора храма, обставленного строительными лесами (здание его было еще не достроено) доносилось жалобное блеяние ягнят, приготовленных для жертвенного заклания.

Согласно поверью, те дома яхудеев в Мисре, которые хозяева обмазали кровью ягнят, обошла Божья кара, и они остались целыми и невредимыми. Слово «пасех» так и переводится «мимо». С тех пор появился обычай на Пасех приносить в жертву годовалых ягнят.

Помимо ягнят во дворе храма, превращенного в большую базарную площадь, торговали скотом – овцами и волами, птицей – голубями и другой всякой всячиной. Рядом стояли столы менял. В пределах храма ходила своя монета, то есть, чтобы купить какой-то товар, нужно было обменять собственные деньги на храмовые. Естественно, менялы имели при этом свой процент.

Интересно, а можно ли у них получить деньги в рост, по-

думал я, то есть взять, например, 100 динарий, а через год вернуть 150? Наверняка можно – все менялы занимаются ростовщичеством. Я направился к ним, чтобы узнать, дадут ли они мне ссуду и на каких условиях – деньги мне были нужны для того, как вы понимаете, чтобы выехать на родину. А через год я бы вернулся и выплатил долг и набежавшие проценты, пусть и грабительские – я так соскучился по родным и близким, что согласен был на всё!

Я уже подошел было к ближайшему столику менялы, как случилось нечто небывалое! На базарную площадь вихрем ворвался человек в белом хитоне и начал стегать торговцев толстым веревочным бичом. Бич взмывал в воздухе и тут же с шипящим свистом опускался на плечи и головы перепугавшихся торгашей, которые, прикрываясь руками, пытались защититься от больно жалящих ударов.

Кто же был этим храбрецом? Иса, конечно же, это был Иса!

– Вон из храма! – в исступлении кричал он, продолжая стегать торговцев по их убегающим спинам.

Затем Иса подскочил к менялам и, перевернув столики, начал и их лупцевать своим безжалостным бичом:

– Вертеп разбойников! Порождение Иблиса!

Немного поостыв, Иса подошел к продавцам голубей и приказал:

– Забирайте своих птиц и больше здесь не торгуйте.

Народ застыл в оцепенении, не понимая, что происходит.

Я перевел взгляд на Кифаса и Андри, их лица выражали высшую степень изумления. Праздник, похоже, был испорчен.

Из толпы вышли старейшины и, хмуря брови, спросили Ису:

– По какому праву ты творишь сие беззаконие?

– Беззаконие – это то, что творится здесь! А я пришел, чтобы установить закон! – гордо ответил Иса.

– Тогда покажи нам знамение, что у тебя есть на это право.

– Разрушьте ваш храм и я воздвигну его в три дня, – насмешливо произнес Иса.

– О чем ты говоришь, безумец! Сей храм строят уже 46 лет и до сей поры не могут построить. А ты хочешь воздвигнуть его в три дня!

Шакирды долго потом обсуждали этот, мягко говоря, странный поступок своего учителя. Особенно странным было его заявление о том, что за три дня может заново выстроить храм. Как это можно сделать – не укладывалось в голове. Кстати, на суде, который позже состоится над Исой, его обвинят также и в том, что он якобы намеревался разрушить главную святыню Иерусалима. Хотя учитель не высказывал такого намерения, напротив, Иса, я сам это слышал, сказал буквально следующее: «если вы разрушите храм, то я его восстановлю». Похоже, Иса просто шутил или говорил иносказательно, подразумевая под храмом не молельню, а что-то другое. Некоторые из его шакирдов, к примеру, Яхья, который тоже был в это время со своим братом Якупом в хра-

ме, выдвигали такие фантастические гипотезы, что мне даже неудобно их повторять...³⁵ А вот что касается бичевания торговцев – здесь все более–менее ясно. Самые начитанные шакирды вспомнили, что где-то в древних яхудейских книгах написано о том, что однажды в храм придет некий наби³⁶ и проведет очищение веры. Многие яхудеи это поняли тоже, не одни верные шакирды. Поняли и отвернулись от Исы. Потому что от учителя ждали не очищения веры, а избавления от римского владычества. Многие думали, что Иса поднимет восстание и поведет народ против кайсара Рима Тиберия³⁷

Но как мне думается – позволю высказать и свою робкую догадку по этому поводу, – Ису волновала не одна только вера, но и торговая система, которая сложилась в Яхудеи, в Риме да и в других странах тоже. Его ярость и гнев были направлены не против торговцев и торговли вообще (отпустил же он с миром продавцов голубей), а против несправедливой торговли. А конкретно – против рыбы³⁸ то есть ссудного процента, которым менялы и ростовщики, как удавкой, еще со времен Шумера и Вавилона задушили весь мир и диктовали ему свои грабительские правила. Я сам в своей торговой практике не раз с этим сталкивался: иногда приходилось

³⁵ – воскресение Иисуса на третий день

³⁶ – пророк

³⁷ – Тиберий Клавдий Нерон, став императором Рима, официально называл себя Тиберий Цезарь Август

³⁸ – рыба – ссудный процент – «достижение» еще Шумерской цивилизации, в исламе введен запрет на рыбу

брать ссуду под такие немыслимые проценты, что оставался на бобах – ростовщики съедали почти всю вырученную мною прибыль!

Никакой рыбы, никакого судного процента, никаких денег в рост – дал займы 100 динариев, получи обратно те же 100. Вот в чем, на мой взгляд человека, принадлежащего к купеческому сословию, состоял главный смысл бичевания Исой менял и торговцев на базарной площади возле Иерусалимского храма.

5

Шакирды, сопровождавшие Ису из Иудеи в аль–Джалиль, немало удивились, когда их Усто избрал не привычную восточную дорогу, а пошел через Самарю³⁹ Да, путь, через Самарю, которая находилась в центре Фелистина⁴⁰, был, конечно, короче, но им из-за ненависти к самарейцам яхудеи не пользовались. Самарейцев считали отступниками от веры и полукровками.

Иса, естетсвенно, об этом знал, но выбрал все же именно эту дорогу.

Неподалеку от городка Сухар⁴¹ находился колодец, это был известный колодец, переданный еще в давние–предав-

³⁹ – Самария

⁴⁰ – Палестина

⁴¹ – Сихарь, городок в Самарии

ние времена Якупом в пользование своего сына Юсуфа⁴² Иса притомился и сел отдохнуть возле колодца, а шакирды тем временем отправились в город раздобыть кой-какой провизии. Денег особых у них не было, жили они на подаяние и милостыню. Вопреки утверждению Гемары⁴³, «врач, который не берет платы, не заслуживает ее», Иса принципиально плату за исцеление больных не брал.

К колодцу за водой тем временем спустилась какая-то женщина.

– Дай мне попить, сестрица, – попросил Иса.

– Как ты, яхудей, просишь у меня, самарейки, воды и называешь меня сестрою? Вы же, яхудеи, нас презираете и с нами не общаетесь, – женщина изумленно раскрыла свои большие черные глаза.

Здесь требуется пояснение. По яхудейскому обычаю, мужчине вообще нельзя было заговаривать с незнакомой женщиной, а с самарейкой – тем более. Нельзя было также пользоваться и ее посудой, это могло привести к осквернению. Но Иса нарушил все древние заповеди, поэтому женщина так сильно удивилась.

Я тут должен заметить еще вот что. Я ведь жил с яхудеями в одном доме, пусть в отдельном пристрое, но практиче-

⁴² – Иаков и Иосиф, библейские персонажи, внук и правнук Авраама, родоначальника авраамистической династии пророков

⁴³ – древнее еврейское учение, которое содержит обязательные для иудея постановления и законы (Галаха), иногда Гемару называют Вавилонским Талмудом

ски под одной крышей. Да, как чужестранца, человека другой веры хозяева меня близко к себе не подпускали, не вели со мной откровенных разговоров, отстраняли от праздничной кошерной пищи... Но я не могу сказать, чтобы ко мне относились, как к рабу или слуге, высказывали какую-то особую неприязнь. Нет, я бы даже сказал, что отношение ко мне было, когда дело не касалось напрямую каких-то религиозных моментов, вполне дружелюбное и миролюбивое, особенно, со стороны хозяина дома Кифаса, которому я обязан самой жизнью.

А вот с самарейцами у яхудеев была застарелая вражда, которая не позволяла им выстроить нормальные добрососедские отношения. Хотя Самарейя, как и Иудея, и аль-Джалиль, и весь Фелистин управлялся одним и тем же римским наместником, и у всех был один общий враг – могучая Римская империя.

Иса ломал все устоявшиеся стереотипы.

– Если бы ты знала, кто пред тобой, – ласково обратился Иса к самарейке, – то ты бы сама у меня попросила напиться.

– О чем ты говоришь, господин! – опять удивилась женщина. – Колодец глубокий, а у тебя нет ни веревки, ни ковша, чтоб зачерпнуть воды, как же ты можешь дать мне напиться?

– А я о другой воде говорю, о живой.

Иса часто говорил притчами, которые нельзя было сразу понять, и каждый толковал их по-своему. Мне трудно судить, что имел в данном случае Иса, но мне кажется под «жи-

вой водой» он подразумевал истину. И говоря, «я напою тебе водою живой», он хотел сказать «я познакомлю тебя со своим учением».

– Кто будет пить живую воду сию, – продолжал меж тем Иса, – вовек не будет испытывать жажды.

– Дай мне тогда такой воды, господин! – обрадовалась самарейка.

– Иди, позови сначала мужа своего.

Дева задумалась, не зная, что ответить. Говорят, женщина может врать, даже когда молчит⁴⁴

– У меня нет мужа, – наконец выдавила она из себя.

– Сейчас ты сказала правду: человек, с которым ты теперь живешь – не муж тебе. Но у тебя было пять мужей.

– О, Господи, откуда ты об этом знаешь? Ты – наби?

Иса был не только искусным лекарем, но и ясновидцем. Мне много раз приходилось в этом убеждаться, когда он угадывал мысли своего собеседника, какие-то детали его личной жизни или предсказывал ход дальнейших событий.

– Если ты наби, – увлеклась женщина «ученой» беседой, – тогда скажи мне, почему мы молимся Господу вон там, – она указала рукой в сторону горы Герезим⁴⁵ – а вы, яхудеи, – на

⁴⁴ – древняя еврейская пословица

⁴⁵ – Гаризим – название горы в центре Палестины. Гаризим была назначена для молитв еще Моисеем. После Вавилонского плена самаряне выстроили на горе храм, позже разрушенный. Но и после этого гора Гаризим оставалась для самарян главным местом молитвы.

горе Сион⁴⁶ Чья молитва скорее дойдет до Господа?

– Поверь мне, что скоро Отцу Небесному не нужно будет молиться ни в Иерусалиме, ни на горе сей.

Опять загадка. Самарейка ничего не уразумела, но чтобы показать, что не теряет нить разговора, сказала:

– Я знаю, что скоро придет масих и все нам разъяснит.

К этому моменту как раз поспели и шакирды с провизией. Они не мало были поражены, завидев, как их учитель мирно беседует с «нечистой» самарейкой. Но никто, разумеется, не осмелился спросить «усто, почему ты разговариваешь с этой женщиной?»

А женщина, забыв про свой кувшин, быстрыми шагами направилась в сторону Сухара.

Прибежав на базарную площадь, самарейка стала вещать:

– О, люди, послушайте меня! Там у колодца Юсуфа сидит наби, он все про меня рассказал, он все знает о том, что было и что будет. Пойдите и посмотрите, может быть, он масих?

Женщина так убедительно вопила, что многие самарейцы решили проверить, что за «гусь» к ним пожаловал. Однако, пообщавшись с Исой, они поняли, что их землячка не врагла и попросили учителя погостить у них в городе со своими шакирдами хотя бы пару дней.

Иса с удовольствием принял приглашение, и стал лечить больных и проповедовать свое учение.

Лед, который, казалось бы, навеки сковал яхудейско–са-

⁴⁶ – один из холмов, на которых воздвигнут город Иерусалим в Палестине

марейские отношения, был наконец растоплен.

6

Свидетелем предыдущей истории я не был, и рассказал ее со слов Яхьи. Но как обошелся Иса с другой женщиной, не с самарейкой, а с падшей яхудейкой по имени Марьям Магда-ла⁴⁷ пусть и не полностью, я видел и слышал собственными ушами.

Дело было так.

Книжников и фарисеев⁴⁸ очень беспокоили проповеди Исы, которые приобретали все большую популярность среди простого люда. А фарисеи считали его за самозванца и хотели вывести на чистую воду. Для этого привели к нему женщину, обвиняемую в прелюбодеянии. Даже широкий серый балахон, больше похожий на мешок, чем на платье, в которой была облачена любительница плотских утех, не мог скрыть ее высокой груди и пышных бедер. Фарисеи, видимо, рассуждали промеж собой так: «Если он ее оправдает, то нарушит закон Мусы; а если осудит, то это будет супротив его учения, так как он проповедует милосердие. Тут-то мы его и уличим».

⁴⁷ – Марія Магдаліна – преданная последовательница Иисуса Христа. В православной и католической церквях отношение к Магдалине отличается: первые почитают её как мирнолицу, излеченную от семи бесов, а вторые долгое время отождествляли с нею образ кающейся блудницы

⁴⁸ – фарисеи (перушим – толкователи) – самая многочисленная и могущественная партия среди евреев

И вот привели они к Исе блудницу и говорят: «Эта женщина взята в прелюбодеянии. Муса заповедовал побивать таких камнями, а что ты скажешь?»

Иса молчал и что-то чертил прутиком на песке. Все напряженно ждали ответа, грешница, потупив взор, стояла ни жива—ни мертва. Наконец, Усто кончил рисовать, выпрямился и, указывая прутиком на свой рисунок, произнес:

– Кто из вас без греха, пусть первым бросит в нее камень!

Я протиснулся сквозь толпу и стал заглядывать через спины фарисеев, чтобы получше рассмотреть, что же он там нарисовал. Мне показалось, что на песке (правда, песок выглядел как-то странно, он стал похожим на белый пушистый снег, каким покрываются поля на моей родине) было написано имя Бога «Алах». Книжники и фарисеи в ужасе отшатнулись и один за другим стали поспешно удаляться от Исы и приведенной ими блудницы, спотыкаясь о заранее припасенные камни, которыми они хотели забить свою соплеменницу. За ними ушли и остальные зеваки, в том числе и я, и стоящий рядом со мной Варнав.

Что так напугало фарисеев?

Спустя несколько дней, когда Варнав в очередной раз приехал в Байтсайду навестить свою племянницу, мы обменялись с ним впечатлениями об этом случае. Варнав сказал мне, что и он углядел на песке имя Бога, только он прочитал его, как «элохим». Варнав удивился:

– А как ты мог прочесть, ты же не можешь читать и писать

по–нашему?

– Я учусь, – ответил я, – хотя, действительно, пока плохо разбираю ваши буквы. Но я видел не буквы, я узрел на песке образ Бога в форме «Алах», он без букв сам сразу возник в моем уме.

На что Варнав сказал, какие буквы, точнее цифры, видел он, и назвал мне их: $1+30+5+10+40$.

– Ты же говорил, что Иса написал на песке слово «элохим»? – запутался я.

– куб – А это и есть слово «элохим» (אלהים) – под каждой вой в нашем алфавите скрывается определенная цифра. Если сложить $1+30+5+10+40$, то получится 86. Это и есть имя Бога.

– А есть другие слова, сумма цифр которых тоже равнялась бы 86?

– Есть. Например, «природа» (הטבע, ха–Тева) – $5+9+2+70$ равно 86.

– Но тогда получается, что Бог – это природа, – заключил я.

– Нет, нет, не богохульствуй, как варвар, – замахал на меня руками Варнав. – Сначала был Бог, а затем он создал Мироздание и все остальное, об этом и в Писании сказано.

Варнав взял прутик и тоже, как Иса, стал что-то чертить на песке. Он написал, без заглавных букв (в яхудейском алфавите их просто нет) следующие слова:

ха–эрец ве–эт ха–шамаим эт элохим бара бе–решит

Это переводится как:

землю и небо бог сотворил в начале

Однако яхуды пишут слева направо, поэтому читать следует наоборот:

бе–решит бара элохим эт ха–шамаим ве эт ха–эрец

То есть:

в начале сотворил бог небо и землю

– С этих слов начинается Танах⁴⁹– наш закон, – торжественно объявил мне Варнав.

– Хорошо, я все понял, – устав от яхудейских премудростей, согласился я, хотя на самом деле ничего не понял. – Но ты так и не объяснил, чего так испугались фарисеи? Допустим, они тоже видели эти цифры и тоже догадались их сложить, и прочитали слово «элохим». И что с того? Неужели их это так напугало?

– Все гораздо проще, я сейчас объясню. Но прежде скажи, а кроме букв ты больше ничего не видел?

– Нет, не видел.

– А я видел! Я видел образы. Наверняка видели их и фарисеи. Они увидели все свои прегрешения, воровство, убийство, обман, блуд... Иса, как в зеркале, показал им их собственные жизни. Поэтому, когда Иса сказал «Кто из вас без греха, пусть первым бросит в нее камень», фарисеи испугались и убежали.

⁴⁹ – название еврейского Священного писания (в христианской традиции соответствует Ветхому Завету)

Кому-то это может показаться странным, и он углядит тут даже какое-то чудо, которое заставило фарисеев глядеться в некое Божественное зеркало... Я же думаю, никакого чуда не было. Просто Иса – не только искусный лекарь и ясновидец, как я уже имел смелость утверждать, но и сильный, как мне кажется, гипнотизёр. Я могу предположить, что это была сцена массового гипноза, попав в поле которого, каждый увидел что-то свое: я – снег и буквы, Варнав – цифры и образы. А к фарисеям, я думаю, Иса применил целенаправленное воздействие и заставил их заглянуть в свое подсознание, грязное и страшное от черных дел.

Однако меня волновала еще и судьба той падшей женщины, как с ней поступил Иса? Может, Варнав об этом знает.

– Да, я нашел потом Марьям, и расспросил, что было дальше, когда все ушли, а она осталась наедине с Исой, – подтвердил мой собеседник.

– И что, что Иса ей сказал? Расскажи же и мне, – сгорал я от любопытства.

Варнав не стал ничего от меня скрывать.

Когда все ушли, Иса поднял глаза на грешницу и спросил:

– Где обвинители твои?

Женщина закрыла лицо руками и горько зарыдала:

– Они ушли, господин! Можешь ли ты простить меня именем Господа? Клянусь тебе, больше я не стану грешить.

– Иди с миром, – сказал ей Иса, – и впредь не греши, ибо не за тем я пришел сюда, чтобы кого-то судить.

Самое интересное в том, что отпустив покаявшуюся грешницу, Иса даже формально не нарушил древний закон Мусы. Как разъяснил мне Варнав, если нет свидетелей и обвинителей (они все убежали), то грех не наказывается за его недоказанностью.

Сумерки спустились на Байтсайду. Небо темнело, на нем зажглись первые звездочки, на чернеющем небосклоне высветился желтый диск луны. Я сидел на пороге своей комнаты, слушал шум морского прибоя и грустил.

В окне хозяев замерцали огоньки – это теща Кифаса по древнему яхудейскому обычаю зажгла две свечи. «Благословен Господь, Владыка Вселенной, повелевший нам зажигать субботние свечи», – громко прочитала старуха традиционную молитву и пожелала всем домочадцам «Шабат шалом! – Мирной субботы!»

Вообще-то, шабат наступал только завтра, но все приготовления к празднику, включая заготовку кошерного вина для кидуша⁵⁰ и хала⁵¹, начинались накануне с заходом солнца. Ибо, в субботу правоверный яхуд должен отдыхать и предаваться благочестивым размышлениям, ему нельзя ничего делать, даже зажигать огня. Поэтому все готовится заранее.

Мне нравился этот обычай, когда он соблюдался без фанатизма. В погоне за хлебом насущным, в будничной суете человеку некогда остановиться и подумать о чем-то другом, о своей душе, например, о своих родных и близких, живых и умерших, о своем истинном предназначении, наконец – за-

⁵⁰ – кидуш – обряд освящения, производимый над бокалом вина

⁵¹ – хала – традиционный хлеб в форме заплетённой косы

чем-то ведь мы пришли на эту грешную Землю! Очень жаль, что на моей далекой родине не отмечается шабат. Сердце опять сдавила тоска по родному краю, по просторным степям, прозрачным рекам, густым лесам и по-настоящему белому пушистому снегу, какой никогда не выпадал в Байтсайте. Я никак не мог привыкнуть к здешнему жаркому и сухому, несмотря на близость водоемов, климату, хотя мои далекие предки тоже когда жили на границах с Филистином.

Боюсь, что кто-то из моих читателей может подумать, что автор сего повествования – страшный безбожник. Спешу уведомить, что это не так. Просто мне не нравится Бог книжный, а верую я в Творца живого, который сотворил все сущее, и Землю, и Небо, и весь Космос, и самого человека. Глупо жить в этом мире и не видеть, как в нем все взаимосвязано и гармонично устроено. Само по себе, без Высшего Разума, так сложиться не могло. Посмотрим на ту же Луну, как всё на Земле связано с ней – морские приливы и отливы, землетрясения, поведение крыс и волков, и даже моя беспокойная тоска. Если бы Луна постоянно и предано не вращалась по своей орбите вокруг Земли, охраняя ее от внешних космических сил, то наша планета давно бы прекратила свое существование. Мне глубоко в душу запало откровение Варнава о том, что число Бога и Природы одинаково и равняется 86. Я думаю, что Бога нужно искать не в храме, а в собственном сердце.

Мысли мои постепенно перешли к событиям последних

дней. Так получилось, что я был в толпе, встречавших Ису во время его очередного перехода из Яхудеи в аль-Джалиль. Мне довелось быть очевидцем одного чудесного исцеления.

Исцеление случилось в Кане, в городе, где Иса когда-то гулял на свадьбе, а если быть более точным, исцеление состоялось в Капернауме, но врач в это время находился в Кане. Дело в том, что у одного важного сановника из Капернаума тяжело заболел сын. Заслышав, что Иса вернулся из Иерусалима, царедворец бросился к знаменитому лекарю с нижайшей просьбой:

– Усто, прошу тебя, пойдем со мной скорее в Капернаум, помоги моему сыну, пока он еще жив.

– Возвращайся домой, твой сын здоров! – ответил Иса.

Сановник в тот же час выехал из Каны в Капернаум. По дороге его встретили слуги с радостными воплями:

– Ваш сын выздоровел, господин! Он теперь совершенно здоров!

– Когда это случилось? – спросил счастливый отец.

– Вчера в час пополудни.

Надо ли говорить, что именно в это время у сановника состоялся разговор с Исой. Даже дальнейшее расстояние не могло служить преградой Исе, когда он начинал врачевать, посылая в пространство свои исцеляющие импульсы!

Еще одно чудесное исцеление, о котором я узнал от Яхьи, произошло в Иерусалиме, возле Овечьих ворот, где Иса поставил на ноги больного, который страдал каким-то стран-

ным недугом на протяжении последних 38 лет. Хотя я сам при этом и не присутствовал, но возле этой купальни у Овечьих ворот мне бывать приходилось, и я очень хорошо представляю себе это место. Оно находилось рядом с Овечьим рынком, где покупали жертвенных животных и перед тем, как вести их в храм на заклание, отмывали в бассейне.

Здесь всегда толпились какие-то калеки, хромцы, слепцы, прокаженные, надеясь, что если они первыми окунутся в мутные воды купели, то на них снизойдет благодать Божья, и они исцелятся. Существовало поверье, что в купальню временами сходит ангел Господень и начинает возмущать воду, и тот, кто первым нырнет в эту возмущенную воду, сразу выздоровеет, какой бы болезнью не был одержим.

Я думаю, это полная чушь! Нечто подобное, я наблюдал в Хиндистане, где бывал по торговым делам. Там тоже люди прыгали в мутные воды Ганга, исполняя какой-то священный ритуал. Сплошная грязь и дикость!

Правда, говорят, на другом конце Иерусалима есть еще один бассейн, в котором не купают жертвенных животных, и больные собираются именно возле этой купальни...⁵²

Но как бы там ни было, Иса исцелил больного, не пригибая ни к помощи ангелов, не окуная его ни в какую купальню.

⁵² – В древнем Иерусалиме было два больших водоема – Вифезда, или «Овчая купель», где купали скот, прежде чем привести его на городской рынок или в Храм для жертвоприношений. Второй бассейн использовался, как купальня и лечебница.

– Хочешь ли быть здоров? – спросил он больного.

– Хотеть-то хочу, – ответил тот, – но кто меня спустит в купальню, когда в ней возмутится вода? Я только соберусь, как меня обязательно кто-нибудь да опередит.

– Встань, возьми постель свою и ходи!

И что за чудо! Больной, который 38 лет не мог нормально передвигаться, встал и пошел походкой совершенно нормального человека.

Все бы ничего, да дело было в субботу, а во время шабата яхудею, как известно, под страхом смерти запрещено совершать какие-либо активные действия. Вряд ли это записано в законе Мусы, но яхудейская традиция гласила: ежели кто в субботу перенесет какую-либо вещь из общественного места, тот будет побит камнями. А исцеленный больной взял свою лежанку из общественной купальни и преспокойно отправился с ней к себе домой. И получается – нарушил закон!

И потому фарисеи учинили «вероотступнику» допрос:

– Ты не должен был брать своей постели! Кто тебя этому научил?

– Человек, который исцелил меня, он сказал «возьми постель свою и ходи».

– А кто тот человек, который сказал тебе «возьми постель свою и ходи»? – продолжали допытываться фарисеи.

Бедолага не знал, что ответить, так как Иса, сделав свое дело, сразу скрылся в толпе...

Фарисеи стали искать этого неизвестного лекаря, чтобы

передать суду и казнить за то, что он якобы нарушил закон субботы. По их мнению, во время шабата вообще делать ничего нельзя: пусть человек лучше умрет, чем нарушатся традиции.

На что Иса сказал: «не человек для субботы, а суббота для человека», то есть, попросту говоря, взял и отменил шабат.

Право, мне очень жаль, что Иса это сделал – такой красивый, а главное, полезный праздник был. Будь моя воля, я бы его совсем отменять не стал. Впрочем, я и не думаю, что Иса полностью отменил шабат, он просто освободил его от диких несуразностей.

Я познакомился с одним еллином по имени Аристофан, который так же, как и я, интересовался деятельностью Исы. Кифас, Андри, Варнав все время были с учителем, я их в последнее время почти не видел, и мне не от кого было узнать свежие новости и не с кем было перекинуться хотя бы парой слов. Теперь у меня появился постоянный собеседник.

Аристофан оказался довольно шустрым малым, он даже умудрялся проникать в яهودейские синагоги, на что я никак решиться не мог. А между тем самое интересное теперь происходило именно в храмах. Чем они были хороши, так это тем, что каждый прихожанин после молебна мог прочесть свои наставления, там возникали даже целые богословские диспуты. Иса не упускал возможности ознакомить народ со своим учением. Учитель читал проведи в синагогах Иерусалима, Кана, Капернаума... Их слушал и Аристофан, а потом пересказывал мне.

Иса не только призывал людей жить в любви и согласии, но и гневно обличал их пороки. Впрочем, гнев этот, как заметил мой новый друг, был избирателен, и касался не обычного люда, а фарисеев и книжников, составлявших отдельную касту.

Фарисеи, пользуясь своей мнимой ученостью, обращались к древним священным письменам, чтобы поставить своего

оппонента в тупик. Но Иса не хуже их был знаком с содержанием священных книг, что было удивительно для простого плотника из дремучей Насары. Когда и где он мог получить такие знания, которыми не обладали даже первосвященники? Ни я, ни Аристофан ответа на этот вопрос найти не смогли.

Фарисеи обвиняли Ису во всех смертных грехах. Говорили, что он якобы одержим бесами, и произошел от самарейцев (наверное, прослышали о его в походе в Самареею), и вообще, распускали слухи, как будто Иса – не законнорожденный, будто он был зачат в грехе⁵³ Себя же книжники причисляли к чистому роду, который вели от патриарха Ибрахима⁵⁴

На что Иса, демонстрируя отличное знание генеалогии, заявлял, что у ханифа Ибрахима были дети от разных женщин. Исхак – от его жены Сарры, а Исмаил – от служанки Хаджар⁵⁵, но оба сына и потомство их, и Муса, и Даут, и Сулейман⁵⁶ и другие наби – все они относятся к дому отца Ибрахима.

– А вот ваш отец– Иблис, – обличал Иса фарисеев, – и вы

⁵³ – Иосиф не был в интимной близости со своей женой Марией до рождения Иисуса

⁵⁴ – Авраам – библейский персонаж, родоначальник многих народов

⁵⁵ – как гласит Библия, жена Авраама Сара была бесплодна и отдала мужу свою рабыню – египтянку Агарь, которая родила 86–летнему патриарху Измаила. Но через 14 лет понесла и Сара, хотя была уже стара. Столетний Авраам назвал младшего сына Исааком.

⁵⁶ – пророки Моисей, Давид, Соломон

– сыны Дьявола! А Дьявол – это человекоубийца, каким он был с самого начала. И вы, служа ему, тоже являетесь человеконенавистниками и человекоубийцами.

Это было очень грозное обличение, учитель словно срывал с фарисеев маски, показывая их истинное лицо.

– А ты знаешь, что «сыновьями Сатаны» Иса назвал также менял и ростовщиков на торговой площади возле храма во время празднования Пасеха? – спросил я у Аристофана.

– Нет, меня тогда там не было, а ты слышал эти слова?

– Своими собственными ушами, – подтвердил я.

– Это любопытно, – оживился еллин. – Значит, Иса считает, что книжники и фарисеи – такие же слуги Дьявола, как ростовщики и менялы. Они несут в мир ненависть и злобу, окутывая его кромешной тьмой. Первые – охмуря умы людей, вторые – опустошая их кошельки.

– А кто же им противостоит?

– Сыны Отца Небесного, рассекающие тьму и проливающие на Землю свет, – не задумываясь, ответил мой ученый друг и добавил: – Иса считает, что наступил момент решительной схватки между силами света и силами тьмы, между сынами Сатаны и сынами Отца Небесного.

Позже на суде, в синедрионе⁵⁷ первосвященник Киаф⁵⁸

⁵⁷ – высший религиозный и судебный орган в Древней Иудее

⁵⁸ – первосвященник – священнослужитель, возглавлявший службу в храме. Каиафа – прозвище, настоящее имя Иосиф – высокомерный священник, обязанный своим положением римской власти и выше всего ценивший свои личные интересы

обвинит Ису в богохульстве за то, что он назвал себя сыном Отца Небесного и претендовал на статус сына Божьего. Но это лукавство чистейшей воды. Мне кажется, Иса имел в виду совсем другое. Каждый, кто познает истинное учение, – может считать себя сыном Отца Небесного, а кто противостоит ему – сын Дьявола.

Но когда фарисеи после очередной проповеди напрямую спросили Ису «кем ты себя считаешь», учитель ответил «я есмь сущий». Это уже, на взгляд фарисеев, было не простым богохульством, а высшей его формой, преступлением, страшнее которого и придумать нельзя. Ибо, по древнему писанию, так говорить мог лишь истинный Бог. «Я есмь сущий» – это имя Господа, которое никто не имеет права себе присваивать. За такое кощунство должно следовать немедленное наказание – побитие камнями.

Однако побивать было некого – как рассказал Аристофан, произнеся «я есмь сущий», «богохульник» сразу исчез из синагоги, будто испарился в воздухе. Незаметно скрываться в толпе в минуты смертельной опасности – тоже было отличительной способностью учителя.

– Я не думаю, что Иса богохульствовал, – продолжал делиться со мной своими мыслями мой наблюдательный и пыливый собеседник. – Провозглашая «я есмь сущий», учитель как бы говорил: О, люди, взгляните в свои души, там есть Бог, Он есть и в тебе, и во мне, Бог есть в каждом из нас.

Но фарисеи, следуя букве закона, порешили найти Ису и

предать его смерти.

Аристофан, пользуясь своими источниками среди яхудейской знати, узнал о тайном собрании в синедрионе, которое провел первосвященник Каиф. На нем судили Ису.

Раньше яхудеи избирали первосвященника сами, и он пожизненно оставался на этом посту. Римляне, опасаясь отдавать надолго власть в одни руки, стали назначать духовного главу Яхудеи из лиц, благоволящих правящему режиму. Каиф верой и правдой служил Риму уже около 15 лет, и кайсар Тиберий был им доволен.

– Вы ничего не понимаете! – хитрый и искушенный в политических интригах Каиф изобразил дело так, что проповеди Исы якобы угрожают благополучию всего народа. – Он баламутит людей, римляне опасаются мятежа и готовятся к его подавлению. Меня об этом по-дружески предупредил префект Пилат.

Первосвященник явно блефовал. Возможно, у него и были особые доверительные отношения с римским наместником, чем он хвастал перед членами синедриона, но Пилат оставался совершенно спокоен и никаких тревожных донесений в центр не слал. Ничего угрожающего безопасности Рима в деятельности чудака–лекаря он не усматривал. К тому же любой намек на смуту ронял его собственный авторитет в глазах кайсара Тиберия, его и так ненавидели лютой ненавистью, и известие о готовящемся бунте Рим мог расценить, как неспособность Пилата управлять вверенной ему

провинцией.

Каиф однако гнул свою линию:

– Лучше мы пожертвуем одним человеком, чем пострадают все.

Члены синедриона единогласно проголосовали за казнь Исы, но сначала его нужно было поймать и представить на суд римскому наместнику Пилату. К тому времени тайные последователи нового учения (они скрывали свои убеждения, боясь гнева фарисеев) были и среди высокопоставленных чиновников, от них Иса и узнал о решении синедриона.

Учитель со своими преданными шакирдами удалился от греха подальше в небольшой городок Эфраим, что в 20 километрах от Иерусалима вблизи Яхудейской пустыни, в песках которой, случись что, можно было скрыться. Там его уж точно никто бы не нашел.

9

Как быстро летит время! Минуло уже более года, как я покинул родные края.

Наступил весенний месяц авив, вновь приближался Пасех. Много паломников уже скопилось в Иерусалиме, народ толпился возле храма и гадал: придет сюда Иса или не придет?

А Иса за шесть дней до начала праздника переменял место обитания и разместился в городе Наин в доме фарисея Шимуна, принявшего учение Исы. За учителем, приготовив ему ужин, ухаживала Марьям Магдала – прощенная Исой блудница.

Марьям принесла алебастровый кувшин, в котором хранила «драгоценное миро» – особое благовонное масло, доставляемое в Яхудею из далекого Хиндистана. Бывая в стране слонов и махараджей, я тоже в свое время его закупал. Это масло выжимается из корней нардового цветка и стоит баснословных денег. Как оно попало к Марьям? Наверное, собирала капля по капле в течение многих лет. И вот сейчас, обихаживая своего спасителя, благодарная Магдала оросила слезами ноги учителя и омыла их ароматным миро, не пожалев единственного сокровища, которое у нее было. А потом обтерла ноги Исы своими роскошными рыжими волосами. Воздух наполнился приятным благовоньем.

– Это масло стоит триста динариев, – сокрушался один из учеников Исы Яхуд Искарriot. – Лучше было продать его и раздать деньги нищим.

Искарriота поддержали и другие шакирды. Когда я узнал об этой истории, грешным делом тоже подумал, что миро излито напрасно. Шутка ли, 300 динариев! Да мне целый год нужно ловить и продавать рыбу, чтобы накопить такую огромную сумму, но ее с лихвой хватило бы на мое возвращение на родину. Каюсь, я подумал, что деньги эти можно было не только нищим раздать, но и мне. Потом бы я их вернул.

Никто тогда еще не знал, что Искарriot – вор, не о бедняках он пекся, а о собственном кармане. Это лишь потом выяснится, что Искарriot, будучи хранителем общественных денег, десятую их часть присваивал себе.

Иса же сказал:

– Не упрекайте Марьям, она обмазала меня маслом для моего погребения. Нищие всегда будут с вами, а я вот не всегда.

Иса здесь прямо говорил о скорой своей смерти, он чувствовал ее неумолимое приближение, более того, он как будто сам искал ее и покорно шел в ее когтистые объятия. Желая принести свою жизнь в добровольную жертву, он словно подавал миру какой-то сигнал. Но какой? Мы долго размышляли над этим с Аристофаном, но так ни к чему и не пришли. Все были заняты приготовлением к празднику, и

мало кто об этом задумывался.

Иса все же появился в Иерусалиме, куда приехал на молодом ослике. Его сопровождала огромная толпа, в которой был и я со своим другом еллином.

– Благословен, царь Израила! – восторженно возглашал народ осанну⁵⁹ и осыпал учителя пальмовыми ветвями.

Ису встречали, словно царя, хотя он приехал не с грозным мечом в руках в боевой колеснице, как въезжали в Иерусалим другие правители, а скромно и вполне мирно верхом на осле.

– Сбылось пророчество Захария⁶⁰ – сказал Аристофан, проштудировавший все яхудейские книги.

Фарисеи злобно скрежетали зубами, но боясь возмущения народа, не смели задерживать учителя.

– Ты знаком с Филипом?⁶¹ Он, кажется, из Байтсайды? – спросил меня мой товарищ.

– Да, я знаю его, это один из шакирдов Исы.

– Можешь меня с ним свести?

– Конечно. А зачем он тебе?

⁵⁹ – хвалебный возглас

⁶⁰ – пророк Захария еще за 500 лет до рождения Иисуса предрекал: «И скажу им: если угодно вам, то дайте Мне плату Мою; если же нет, – не давайте; и они отвесят в уплату Мне тридцать сребреников». Предательство Иуды было предсказано заранее. Захария упоминается и в Коране под именем «Закарийя» – как один из пророков и праведников (салихун), отец Йахйи (Иоанна Крестителя) и опекун Марйам (девы Марии)

⁶¹ – Филипп – один из двенадцати апостолов (учеников) Иисуса Христа

– Мои соплеменники еллины хотят с ним познакомиться, а через него выйти на Ису.

– А почему именно через Филипа?

– У него еллинское имя, с ним легче будет договориться.

– Но Филип не еллин, а яхудей, такой же простой байт-сайдский рыбак, как Кифас и Андри.

– Тем лучше, веди меня скорее к нему!

Я познакомил Аристофана и его сородичей с Филипом, а он подвел их к учителю. Наконец-то, учение Исы заинтересовало и еллинов – этих вечных искателей истины!

Но только учитель начал проповедь, как грянул гром и с неба послышался глас «Прослаблю имя твое!» Честно говоря, никакого голоса я не слышал, потом я спрашивал Аристофана, он тоже ничего такого не слышал. Однако шакирды Исы уверяли, что во время грозы сверху отчетливо раздался какой-то голос, и это был якобы глас ангела Господня.

– Не для меня глас сей, а для народа, – промолвил Иса. – Знайте, скоро побежден будет Князь тьмы, мне же предстоит вознестись от земли.

Учитель снова предвещал свою скорую гибель.

– Я пришел, чтобы принести свет в мир, кто поверит мне, не останется во тьме. Веруйте в свет, да будьте сынами света! А ежели кто слышит меня да не верит, я не сужу его, ибо пришел я не судить мир, а спасти его, – произнес эти напутственные слова, Иса по обыкновению своему быстро растворился в толпе.

Как не ломали мы головы с Аристофаном, так и не поняли, каким образом будет побежден Князь тьмы и почему учитель должен погибнуть. Но нам почему-то показалось, что между этими двумя событиями – предполагаемым падением Иблиса и предвозвещенной смертью Исы должна существовать какая-то причинно–следственная связь.

На последнем, можно сказать, прощальном ужине Иса был лишь со своими близкими шакирдами. Ученики так много и подробно потом о нем распространялись, что нам с Аристофаном известны все подробности этого печального вечера.

Начался он с того, что Иса, сняв с себя верхнюю одежду и опоясавшись полотенцем, налил в умывальный сосуд воду и начал омыwać ноги своим ученикам.

Мытье ног в сухом и пыльным Фалистине было делом обычным. Народ здесь ходил в сандалиях на босу ногу и, войдя в дом, сразу омывал ноги. Дорогим гостям в знак особого уважения это делали слуги, жена – мужу, дети – родителям. Поскольку у меня никого не было, я мыл себе ноги сам, как и многие бездомные шакирды Исы.

Тут же вдруг учитель сам стал омыwać им ноги, а не наоборот, и это было непонятно и непривычно. Иса подходил по очереди к каждому из своих шакирдов, опускал их грязные ноги в сосуд, омывал их и насухо обтирал полотенцем.

Когда очередь дошла до Кифаса, бывший рыбак не стерпел и спросил:

– Тебе ли мыть мне ноги, Усто?

– Ты сейчас не знаешь, зачем я это делаю, уразумеешь после, – едва ли не силой, окунув ноги сопротивляющегося Ки-

фаса в воду, загадочно произнес учитель. – И впредь делайте друг другу тоже самое, что я вам сейчас делаю.

Потом Иса обронил еще одну таинственную фразу:

– Чисты вы, да не все! – хотя учитель пред тем обошел всех учеников и омыл им ноги.

Этим он хотел предупредить, что среди них есть предатель, высказал догадку Аристофан, когда мы с ним детально разбирали трагические события того ужасного дня. Похоже, мой друг был прав, поскольку, чуть погодя, Иса объявил напрямую:

– Один из вас предаст меня!

Нависла гробовая тишина. Не выдерживая напряжения, Кифас подполз поближе к Искарриоту и Яхье, которые сидели за низким столиком рядом с учителем, и шепнул:

– Спросите, кто это, о ком это он говорит?

Яхья, припав к груди Исы, с дрожью в голосе спросил:

– Усто, кто это?

– Тот, кому, разломив, я подам хлеб, – спокойно ответил учитель.

Разламывать хлеб, разделять рыбу, мясо и подавать их гостями во время трапезы тоже было привычным делом – это делал самый старший и уважаемый человек из сидящих за столом. И когда Иса, обмакнув хлеб в соус, протянул его Искарриоту, никто на это не обратил внимания – как-то не догадались соединить этот привычный жест с предыдущими словами учителя. Ничего не подозревая, Искарриот взял кусок

хлеба и преспокойно отправил его себе в рот.

Это очень важный и многозначительный момент! Осмысливая его задним умом, Яхъя предположит, что вместе с куском хлеба в Яхуда Искарюта вошел Иблис. Назад ходу у Исы уже не было. Если раньше он что-то еще мог изменить, то теперь, когда Сатана вселился в душу одного из его учеников, учителю оставалось лишь покорно следовать своей трагической судьбе, которую, впрочем, он сам для себя и избрал. Начало свершаться, то что должно было свершиться! Как где-то вычитал мой ученый друг Аристофан, такое в древней яхудейской истории уже случалось – наби Даут тоже был предан своим товарищем Ахитофелом⁶²

Однако в ту минуту никто из сотрапезников Исы, расслабленно возлежавших за накрытым скромным угощением столом ни о чем не догадывался.

– Делай скорее то, что задумал! – с каким-то нетерпеливым надрывом обратился учитель к Искарюту.

Тот вознес свои ясные и преданные очи на учителя – чем-то они были похожи – и легко подняв свое худое тело с лежанки, направился к выходу.

Опять никто ничего не заподозрил. Искарют носил с собой ящик, куда собирались пожертвования, то есть был всегда при деньгах. Шакирды подумали, что учитель отправил Искарюта раздать милостыню нищим или совершить каки-

⁶² – советник царя Давида, родом из Гило, во время мятежа сына Давида Авесалома перешел на его сторону и руководил действиями восставших

е-то покупки к празднику – через пару дней наступал Пасех. Какие покупки, если на дворе была уже темная ночь!

А Иса меж тем продолжал свою проповедь перед оставшимися шакирдами:

– И не слуги вы мне, и не рабы, а друзья и братья! Новую заповедь даю я вам: любите друг друга так, как возлюбил вас я. И потому, как вы любите друг друга, будут узнавать и отличать вас от других.

Этой новой заповедью, считает Аристофан, Иса как раз и объяснил свой поступок с омытием ног ученикам. В их общине должны быть все равны, у них не должно быть ни слуг, ни господ, все они – любящие друзья и братья. Если Иса называл себя сыном Отца Небесного, а учеников – своими братьями, то все они теперь тоже становились Божьими детьми.

Кифас, подумавший было, что учитель именно его имел в виду, когда произнес зловещую фразу «один из вас предаст меня», взволнованно спросил:

– Усто, ты говорил, что скоро уйдешь от нас, куда ты идешь?

– Куда я иду, ты пока идти не можешь.

– Я не могу? – удивился самолюбивый Кифас. – Да я куда хочешь за тобой пойду, да я за тебя душу положу!

– Душу за меня положишь? А я тебе говорю, еще не пропоешь петух, как ты трижды от меня отречешься.

Пораженный обидными словами в самое сердце, Кифас грустно склонил голову, ему вновь показалось, что учитель

именно его заподозрил в измене. Испуганно оглядывая шакирдов, которые стыдливо прятали от него глаза, Кифас догадался, что они тоже об этом подумали.

– Усто, если мы не знаем, куда ты идешь, как мы можем узнать путь, по коему нам следует идти? – засомневался шакирд, прозванный из-за своих вечных сомнений и расспросов Томасом Неверующим.

– Я есмь путь и истина. Следуйте моим заповедям – вот ваш путь.

Тут в разговор вступил Филип, которого еллины приняли за своего сородича:

– Усто, покажи нам нашего Отца Небесного, и нам этого хватит.

– Его увидеть никто не может! С вас достаточно того, что видите меня. Отец во мне и в каждом из вас.

Дальше Иса высказал нечто такое, о чем у шакирдов не сложилось единого мнения. И потому мы с Аристофаном не знали, как трактовать следующие слова учителя:

– Если любите меня, соблюдайте мои заповеди. И я умолю Отца, он пришлет вам Утешителя, который пребудет с вами вовек.

Яхья утверждает, что Утешитель – это Дух истины, ниспосланный к любящим сынам Отцом Небесным. А Варнав заявляет: Утешитель – это наби по имени Хамд⁶³, который

⁶³ – здесь подразумевается пророк Мухаммед – арабский проповедник единобожия и основатель ислама

придет после Исы. К кому склониться – мы с Аристофаном так и не решили.

– Кто полюбит меня, кто соблюдет слово мое, – продолжал Иса, – того полюбит и Отец ваш, и сотворит для вас Обитель Любви.

Аристофан последние слова «Обитель Любви» воспринял по-своему – как «Остров Любви». Его свободолюбивой натуре, слово «остров» было почему-то ближе, чем «обитель». Может, потому, что он приехал с острова Крит.

Далее, Иса предупредил шакирдов об опасностях и испытаниях, которые будут подстерегать их после его ухода на каждом шагу:

– Если мир вас возненавидит, знайте – раньше он возненавидел меня. Если вы начнете соблюдать мои заповеди, вы не будете принадлежите миру сему, а будете не от мира сего, поэтому вас и будут ненавидеть. Будут ненавидеть и гнать так же, как ненавидели и гнали меня! Изгонят вас из синагог и храмов, и всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем самым служит Богу.

Где же бедным последователям Исы укрыться от мирской злобы и ненависти? На Острове Любви, который находится под защитой Отца Небесного. Где же еще! Так, во всяком случае, считал мой друг Аристофан.

Под конец проповеди Иса вновь заговорил загадками:

– Вот и наступает час мой! И я должен идти, ибо если я не пойду, Утешитель не придет к вам. Я пойду, и каждый из

вас рассеется в свою сторону. В мире есть большая скорбь,
но мужайтесь: я победил мир!

– Мой час настал, – сказал Иса и вышел в ночь.

За ним встали и вышли его ученики. Никто не задавал лишних вопросов. Чувствовалось, что Иса принял какое-то важное для себя решение и намерен теперь его исполнить.

Учитель направился через ручей Кыдрун в сторону масличного сада. Именно здесь у подножия горы Джебель аз-Зейтун, как позже просвещал меня Аристофан, много лет назад состоялось и другое предательство – Ахитофел выступил против своего царя Даута.

В Гетсиманском саду⁶⁴ накануне Пасеха останавливались на ночлег паломники. Учитель тоже часто собирал здесь, среди оливковых деревьев своих учеников, о чем знал и Яхуд Искарriot. Но в сей поздний час в саду было черным–черно, хоть глаз выколи.

Вдруг ночную мглу осветили зажженные факелы, Искарriot вел за собой служителей первосвященника, фарисеев и отряд вооруженных римлян.

– Кого вы ищете? – спросил Иса, выдвигаясь им навстречу.

– Ису из Насары, – последовал ответ.

– Это я.

⁶⁴ – Гетсиманский сад находился у подножия Елеонской (Масличной) горы к востоку от Иерусалима, по дороге, ведущей от ручья Кедрон к Масличной горе

Не ожидая, что так быстро удастся найти мага–чародея, каковым считали Ису, фарисеи в страхе отшатнулись и пали на землю. Отстранились и римские солдаты.

Учитель спросил снова:

– Кого ищите?

– Ису из Насары, – поняв, что от учителя не исходит никакой угрозы, осмелели фарисеи и начали его окружать.

Тут Кифас, заявивший во всеуслышание, что готов жизнь положить за учителя, выхватил меч и рубанул им одного из наиболее близко подошедших врагов. Им оказался Малх – слуга первосвященника Каифы. Удар был не точным, Кифас отсек Малху лишь правое ухо.

– Вложи свой меч в ножны, – строго приказал учитель своему преданному шакирду, – ты не даешь мне исполнить то, что мне должно.

Стражники набросились на Ису, схватили его и связали. Ученики Исы, прячась за деревьями, в страхе разбежались, все до одного. Их никто и не преследовал, фарисеи пришли не за ними, а за их учителем.

Сначала Ису привели в дом Ану⁶⁵ – тестя первосвященника Каифа. Хотя Ану уже давно не занимал никакого официального поста, он оставался влиятельным человеком. Без согласования с его кланом (пятеро его сыновей тоже занимали

⁶⁵ – Анна, тесть первосвященника Каиафы, был первосвященником Иудеи с 6 по 15 год, принадлежал к влиятельной партии саддукеев. На месте дома Анны теперь храм женского армянского монастыря

важные посты) не принималось ни одно важное решение в яхудейской общине. Двое шакирдов – Кифас и Яхья – все же набрались смелости и проследили, куда повели их учителя.

В доме Ану Яхью знали, он иногда привозил сюда рыбу из Байтсайды, поэтому придверница пропустила его во двор.

– А это кто? – спросила служанка, указывая пальцем на Кифаса.

– Это со мной, он тоже рыбак из Байтсайды.

– Рыбак, говоришь? – усомнилась служанка. – Сдается мне, что я его где-то встречала. Уж не из шакирдов ли ты Исы?

– Нет, – поспешил ответить Кифас.

Ночь была холодной, служители развели во дворе огонь и начали греться у костра. А хозяин дома допрашивал Ису:

– Кто твои ученики? В чем суть твоего учения?

– Я всегда учил в синагогах, и говорил явно, тайно не говорил ничего. Зачем спрашиваешь меня, спроси тех, кто слышал мои проповеди.

Один из служителей ударил Ису по щеке:

– Как ты разговариваешь с первосвященником!

Ану первосвященником не был уже лет 25, но его слуги все равно обращались к нему по-прежнему, зная, какой огромной властью на самом деле обладал этот немощный на вид старик.

– Если я сказал худо, скажи, что именно худо, зачем ты бьешь меня? – спокойно и с достоинством отреагировал Иса.

Ану не стал больше с ним разговаривать, и отправил связанного Ису к действующему первосвященнику Каифу. Проходя мимо Кифаса, учитель загадочно улыбнулся и кивнул головой в сторону одного из слуг. Кифас перевел взгляд и увидел греющегося у огня Малха – удивительно, но его правое ухо было целым и невредимым, словно никто его не отсекал...

Когда Ису увели, кто-то из служителей подошел к костру и спросил Кифаса:

– Что-то мне твоя физиономия знакома, похоже, ты ученик Исы?

– Нет, – во второй раз отрекся от своего учителя Кифас.

– Как же нет! – не поверил один из слуг, приходившийся родственником Малху, которому Кифас недавно отрубил ухо, но оно снова отросло. – Не тебя ли я видел с Исой в Гетсиманском саду?

– Нет, – в третий раз повторил Кифас, и тут же запел петух.

Кифас вздрогнул, на его побледневшем лице заиграли огненные блики от костра, он резко повернулся и с диким воплем «О горе мне, горе!» побежал прочь со двора священнослужителя. Кифас понял, что сбылось пророчество учителя «Еще не пропоет петух, как ты трижды от меня отречешься»!

Я никогда не видел ранее моего благодетеля Кифаса в таком ужасном состоянии. Он громко рыдал, рвал на себя во-

лосы, бился головой о деревья, попадавшие ему на пути, и все время приговаривал «О горе мне, горе!» Мне показалось, что Кифас сошел с ума.

12

У Каифа Ису долго не держали, сразу повели к римскому наместнику Пилату⁶⁶ Первосвященник и члены синедрина давно уже вынесли решение о казни Исы. Однако сами этого сделать не могли. Если бы Ису застали на месте какого-нибудь преступления, то по древнему яхудейскому обычаю его можно было бы закидать камнями. Римская власть, не желая ссориться с влиятельными фарисеями, смотрела на подобную дикость сквозь пальцы. Но поскольку учителя арестовали, дело принимало официальный оборот и задержанного нужно было судить уже по римским законам. Особо опасных преступников казнили через распятие. Насколько же Иса был опасен, решать предстояло префекту Иудеи, то есть Пилату.

У Понтия Пилата был роскошный дворец в Кейсаре, но на Пасех он всегда приезжал в Иерусалим. Мало ли что могло случиться в дни праздника, когда сюда прибывало столько народа! Единственное хорошее дело, которое совершил Пилат, – это строительство водопровода. И то, как говорят, построил он его под напором своей молодой красавицы же-

⁶⁶ – Пóнтий Пилáт (лат. Pontius Pilatus) – римский префект Иудеи с 26 по 36 годы, Иосиф Флавий и Тацит называют его прокуратором. Правление Пилата ознаменовалось налоговыми и политическими притеснениями, что вызывало массовые народные выступления, которые жестоко подавлялись

ны, которая и в яхудейской столице, куда ей частенько приходилось наведываться вместе с мужем, требовала комфорта и удобств. Римский наместник топил в крови народные протесты, его боялись и жаждали мести. Любая искорка могла привести к мятежу. Все пути, ведущие к Иерусалимскому храму, были оцеплены римскими войсками, по городу рыскали прокураторские ищейки.

Когда Ису привели в преторию, где остановился со своей молодой супругой Пилат, уже было утро пятницы перед Пасехом. Фарисеи и служители Каифа не вошли во внутрь здания, а остались в крытой галерее. Их ожидал праздничный молебен и ритуальная маца, а чтобы ее вкусить, нельзя было оскверняться проникновением в «нечистое» жилище.

– В чем вы обвиняете этого человека? – спросил вышедший к ним Пилат.

– Он страшный преступник, и мы предаем его тебе, – ответили фарисеи.

– Зачем он мне нужен! – небрежно отмахнулся префект – его ищейки давно донесли ему об Исе, и наместник знал, что никакой угрозы Риму этот чудак–целитель не представляет. – Возьмите его и судите по–своему закону.

– Мы не имеем права предать его смерти.

– А он заслуживает смерти? – удивился римский наместник.

– Его следует распять!

Распятие – самая позорная казнь, ей подвергались лишь

рабы и мятежники.

Пилату ничего не оставалось, как войти с Исой в преторию для проведения конфиденциальной беседы.

– Ты царь яхудейский? – с иронией поинтересовался префект.

– Ты сам так думаешь или кто тебя надоумил?

– Разве я яхудей! – гневно и с заметной обидой в голосе, как будто его заподозрили в чем-то неприличном, воскликнул Пилат. – Твой первосвященник передал тебя мне. Что же ты такого натворил?

– Царство мое не от мира сего, – отвечал учитель. – Если бы от мира сего было мое царство, то служители не передали бы меня тебе.

Услышав слово «царство», Пилат заволновался, хотя вроде бы понял, что Иса говорит о вещах, не связанных с реалиями земной жизни. Но на всякий случай переспросил:

– Итак, ты утверждаешь, что ты – царь?

– Это ты говоришь, что я – царь. А я говорю, что я пришел, чтобы возвестить миру о Божьей истине...

– А–а, истина... – успокоился Пилат, убедившись еще раз, что Иса не представляет никакой опасности. – И что же есть истина?

Не дожидаясь ответа – ответ римскому наместнику был и не нужен, – Пилат вышел к ожидавшим его решения фарисеям и объявил:

– Никакой вины в нем я не нахожу!

Служители недовольно зашумели.

– Тише, тише! – успокаивая толпу, поднял руку вверх префект. – У вас есть обычай: отпускать на Пасех одного преступника. Хотите, я отпущу царя яхудейского?

Говоря «царь яхудейский», римский начальник, конечно, шутил, а может, издевался над фарисеями.

– Не его, а Бар Аба!⁶⁷ – закричали они.

– Бар Аба? Как же Бар Аба? – недоуменно повторил Пилат имя преступника, который был уличен в настоящем, а не вымышленном сопротивлении властям и убийстве человека. – Он же сущий разбойник, разве можно его прощать?

– Хотим, чтобы ты отпустил Бар Аба! – стояли на своем фарисеи.

Пилат скрылся в претории, не зная, что предпринять. Толпа окружила Ису и начала плевать в него, бить плетками и издеваться, облачив в балахон багряного цвета⁶⁸ и водрузив на голову венец из терна⁶⁹ Терновый венец символизировал

⁶⁷ – Варава (евр. Бар Абба, сын отца), разбойник, за убийство человека во время беспорядков в Иерусалиме находился в темнице

⁶⁸ – багряница – одежда багряного цвета (царей в древности как знак верховной власти). У Пушкина образ багряницы отображен в «Медном Всаднике»: багряницей уже прикрыто было зло. Смысл Пушкинского символа в том, что парадным, пышным одеянием было прикрыто зло

⁶⁹ – Терновый венец (венок) – сплетенный из терния – растения, ветви которого покрыты острыми шипами. Такие венки возлагали как знак позора и осмеяния на головы преступников, осужденных на смерть, а победителей венчали лавровыми венками. Лермонтов в знаменитом стихотворении «Смерть поэта» обличает людей, погубивших Пушкина: «И прежний сняв венок, – они венец терновый,

проклятие.

– Радуйся, царь яхудейский! – бесновалась толпа, Ису опять били по щекам.

Из претории показался Пилат:

– Я снова вышел к вам, чтобы вы знали, что я не нахожу за ним никакой вины.

– Распни его, распни! – закричали фарисеи, завидев римского наместника.

– Возьмите его и сами распните! А я не нахожу за ним никакой вины, – повторил Пилат.

– Мы не можем этого сделать. Но у нас есть закон, и по закону нашему он должен умереть, потому что объявил себя сыном Божиим.

– Кем, кем? – на лице Пилата возник неподдельный страх.

Римскому наместнику глава его тайной службы докладывал, что Иса обладает сверхъестественными способностями. Но он как-то не придавал этому значения. Сейчас сами фарисеи признали, что Иса едва ли не сын. Бога. К тому же прокуратор только что получил записку от своей встревоженной жены «Не делай ничего плохого этому праведнику, ибо я видела страшный сон». Пилат, как все жестокие люди, был очень суеверен и боялся Небесной кары, хотя не верил в существование яхудейского Елохима. Если бы яхудейский Бог на самом деле существовал, думал он, то Рим никогда бы не смог покорить Яхудею. Но сейчас префект страшно перепу-

увитый лаврами, надели на него»

гался.

– Откуда ты? – участливо спросил он Ису, опасаясь, несмотря на жалкий истерзанный вид учителя, его проклятия.

Учитель молчал. Это задело префекта, в нем проснулось имперское высокомерие.

– Почему ты молчишь? Ты знаешь, кто тебя спрашивает? Я префект Яхудеи, и в моей власти казнить тебя или милловать.

– Ты не имел бы надо мной никакой власти, если б на то не было указания свыше. Потому нет на тебе греха, а весь грех на том, кто предал меня, – наконец разомкнул уста учитель.

Стоя в толпе и с тревогой в душе наблюдая за этой сценой, я услышал позади себя чей-то тяжелый стон. Обернувшись, я увидел Кифаса, его лицо было перекошено чудовищной болью, он скрежетал зубами и тихо стонал «О горе мне, горе!» Я понял, что слова учителя «весь грех на том, кто предал меня» он принял на свой счет, хотя они, скорее всего, были обращены к Искарриоту или фарисеям. Я прикоснулся к плечу Кифаса, чтобы как-то его ободрить, но он, погруженный в свое страдание, даже не заметил меня.

Почувствовав перемену в поведении Пилата, служители вновь закричали:

– Если ты егопустишь, значит, ты враг своему господину Тиберию. Всякий, кто объявляет себя царем, – враг кайсару Рима.

Это был сильный аргумент. Пилат нисколько не сомневался, что если он допустит ошибку, в Рим сразу же уйдет донос от первосвященника Каифа, который лишь с виду казался ласковым и покладистым, но всегда держал камень за пазухой.

Пилат уселся в каменное кресло—судилище, называемое Габатта, и выставил Ису перед собой.

– Вот смотрите, это ваш царь! – префект еще как-то надеялся образумить упрямых яхудеев.

Толпа не унималась:

– Возьми, возьми, распни его!

– Царя ли вашего распну? – сопротивлялся Пилат.

– Нету у нас царя, кроме кайсара.

– Воля ваша, а я умываю руки, – обреченно согласился префект, устав и боясь дальше спорить с разгоряченной толпой.

Фарисеи схватили Ису и повели его на Голгет⁷⁰, где было лобное место. Учителя, так же, как и двух его товарищей по несчастью, заставили нести хач – деревянный крест, на котором предавали распятию самых опасных преступников. Вместе с Исой к распятию приговорили еще троих, один из которых, Бар Аб – убийца и разбойник, в честь праздника был прощен. Его злобную ухмылку я заметил в толпе, сопровождавшей Ису, учитель медленно взбирался на Голгет,

⁷⁰ – Голгофа – исторический холм на окраине Иерусалима, где был распят Иисус Христос

низко сгибаясь под тяжестью хача.

Как переменчиво настроение толпы! Всего несколько дней назад, когда Иса въезжал на осле в Иерусалим, ему пели осанну и в восторге забрасывали пальмовыми ветками, а сейчас слышны одни насмешками «Радуйся, царь яхудейский!»

Ису, пробив его ладони большими гвоздями, распяли на кресте посередине лобного места, а по краям, слева и справа – двух мятежников. Пилат не поленился и собственноручно приделал к кресту дощечку с надписью «Иса из Насары, царь яхудейский». Для чего он это сделал – сие неведомо. То ли отдавал последнюю дань уважения учителю, то ли насмехался над фарисеями. Эту надпись смогли прочесть все, так как она была сделана по–яхудейски, по–еллински и по–римски.

Служители Каифа возмутились и потребовали переделать надпись:

– Нужно написать не «царь яхудейский», а – «я говорю, что я царь яхудейский».

– Что написано, то написано, – отрезал Пилат.

Народ, пришедший на Голгет, не расходился, ждали завершения спектакля. Я огляделся вокруг и увидел обезображенные страданиями лица родственников и близких Исы: его матери Марьям, прощенной грешницы Магдалы, Кифаса, Яхьи, Варнава и других шакирдов. Это было мучительное зрелище! Все стояли и напряженно ждали, когда учитель испустит дух.

Заметив страдание матери, распятый на кресте Иса поручил заботу о ней своему любимому ученику Яхье. А Кифаса, по утверждению Аристофана, учитель простил и даже назначил старшим своей осиротевшей общины.

Начинало смеркаться, на Иерусалим надвигалась ночь. Иса вдруг зашевелился на кресте.

– Элохим! Элохим! ламма савахфани? – возопил Иса во весь голос. – Господи! Господи! Для чего ты меня оставил?

После чего учитель тихо прошептал:

– Жажду.

Кто-то из охранников смочил губку уксусом и на копье поднес ее к устам Исы.

– Свершилось! Отче, в руки твои предаю дух мой, – сказал учитель и испустил дух.

13

Из-за чего все же фарисеи убили Ису?

Я сидел на днище перевернутой лодки, любовался ночным морем и низко нависшими над ним звездами и предавался грустным размышлениям. Моя далекая отчизна тоже находилась на берегу моря, настоящего моря, а не такого крошечного, как Киннереф. Я любил море, хотя оно навевало на меня грусть.

Из дома Кифаса раздавался жалобный голос флейты⁷¹ – скорбный плач по ушедшему учителю. Траур соблюдался три дня. В это время нельзя было ничего делать, даже бриться. Кифас сидел уже третьи сутки с опущенной головой, поедая, как то велит обычай, яйца, посыпанные золой и солью.

Чтобы не мешать, я удалился к морю.

Варнав, с которым мне удалось перекинуться парой слов, еще там в Иерусалиме, на лобном месте во время казни Исы, с жаром доказывал мне, что распят был вовсе не учитель, а совсем другой человек. Яхуд Искарриот, предавший учителя за 30 сребреников, был внешне похож на учителя. Вот по ошибке Пилат и казнил его, а Иса скрылся, но скоро обязательно даст о себе знать. Похоже, у Варнава с горя помутнел рассудок – все знали, что Искарриот, не выдержав мук сове-

⁷¹ – в Древнем Риме, в Греции, Финикии, Ассирии и Палестине – плач флейты связан был со смертью и с трагедией

сти, на второй день после распятия Исы повесился.

Из-за чего все же фарисеи его убили?

Вдруг я увидел, что с пригорка спускается к морю какой-то темный силуэт. Приглядевшись получше, я признал в нем своего друга Аристофана. Вот кто сейчас мне все разъяснит!

Аристофан поздоровался и протянул мне увесистый мешочек. В нем были деньги!

– Не бойся, я не Искарот, и никого не предал, – пошутил мой друг.

На мой взгляд, шутка была неудачной. Но я решил ее поддержать:

– Тогда откуда монеты?

– Потряс своих богатеньких сородичей эллинов.

– А зачем ты даешь их мне?

– А разве тебе уже не пора собираться на родину?

Ах, вот оно в чем дело! Аристофан знал, как я тоскую по своим родным и близким, и решил мне помочь.

– Спасибо, друг! – я не знал, как его благодарить за такую внимательность и щедрость. – Я приеду через год и верну долг.

– Через год меня здесь уже не будет.

– А где ты будешь?

– На острове.

– На Острове Любви? – уточнил я.

– Эх как тебя забрала эта история! – поддел меня Аристо-

фан. – Я буду на острове Крит, там моя родина, ты об этом забыл?

– Помню. Значит, через год я приеду к тебе на остров Крит. Примешь?

– С превеликим удовольствием! – обрадовался Аристофан. – Посмотришь, как настоящие еллины живут.

Мы замолчали, слушая, как в шум прибоя вплетается надрывный плач флейты.

– Кифас сильно грустит? – нарушил молчание Аристофан.

– Просто убивается, третий день не встает с места.

Мы опять замолчали.

– Из-за чего все же фарисеи убили Ису? – не выдержал я и озвучил вопрос, который мучил меня со дня возвращения в Байтсайд.

– А сам как думаешь?

– Ну уж точно не за то, что назвал себя сыном Божиим.

– И не за то, что нарушил закон субботы, – подхватил мою мысль Аристофан.

– Тогда за что же?

– Им наплевать на свои законы, – осуждающе произнес мой друг и продолжил уже совсем другим тоном, неторопливым и размеренным: – Этим миром правит Князь тьмы, здесь Иса совершенно прав. И римский кайсар, и яهودейский первосвященник, хоть и враждуют друг с другом, они служат одному хозяину – Сатане. Его власть зиждется на хитрости торговцев и менял, которых Иса выгнал из храма, на обма-

не фарисеев и первосвященников, на воровстве сборщиков податей, на произволе и самодурстве различных правителей, начиная от мелких чиновников–кровопийцев и кончая царями и кайсарами. А на самом верху этой вертикали власти, на самой вершине пирамиды восседает Князь тьмы. Так было всегда и везде, такой порядок установлен и здесь в Яхудее, и в Риме, и в моей стране, и в твоей, я уверен, тоже, – при этих словах Аристофан вопросительно посмотрел на меня.

Я согласно закивал головой и он продолжил:

– Иса пришел не для того, чтобы прогнать царя Ирода⁷² или кайсара Тиберия, а потом сесть на их место. Он пришел для того, чтобы разрушить сам существующий миропорядок, прогнать не царя или кайсара, а самого Князя тьмы. Иса покусился на самого Князя тьмы, вот за что его распяли!

– Неужели фарисеи так сильно его испугались?

– А как тут не испугаться! Они видели, что Иса не был простым смертным, о чудесах, какие он творил, раньше никто и не слышал. Такими способностями не обладали даже первосвященники. Это пугало и тревожило. От такого опасного человека нужно было поскорее избавиться. Иначе он мог вместо Пирамиды Князя тьмы выстроить свой Остров Исы.

– Но Остров Любви – это же просто сказка!

⁷² – во времена владычества Рима Иудеей управляли цари из Идумеи (юг Палестины на западном берегу реки Иордан), отсюда был и Ирод I Великий, чье имя стало нарицательным

– А Земля Обетованная⁷³– это не сказка?

– Не знаю, я же не избрано рожденный, – съязвил я.

– Я тоже необрезанный, – парировал Аристофан.

В конце–концов, мы пришли к единодушному мнению, что Остров Исы нам нравится больше.

⁷³ – обещанная земля, иносказание: место исполнения всех желаний, где царит всеобщее счастье, изобилие и покой

Послесловие

Иса считал, что добровольно поднявшись на Голгофу и приняв мученическую кончину, Он победил Сатану – смерть смертью поправ.

Ибо принеся себя в искупительную жертву, Он взял на себя все прошлые и будущие грехи человечества и тем самым освободил мир от гнета тьмы. И теперь свет должен воссиять повсеместно, вытесняя тьму.

Ибо Иса оставил главную заповедь, главное средство нового мироустройства и главное оружие борьбы со всяческим злом – это Любовь. Взойдя на смертный крест ради этой Любви, Иса исполнил свою высочайшую миссию! Уже не важно, погиб ли Он потом или воскрес и вознесся на небеса. Не важно, кем Он был – простым смертным или Сыном Господа, хотя простому смертному гораздо труднее взойти на Голгофу, нежели всемогущему Божественному существу. Не важно даже, существовал ли на самом деле Иса или это вымышленный персонаж. А важно то, что жива память о нем, жив яркий пример беззаветного служения людям, как убедительное назиданием сынам и дочерям человеческим всех последующих поколений.

Как хорошо, что в этой жестокой реальности, до краев наполненной безбрежной злобой, раздорами и войнами, кто-то еще пытается отыскать Остров (и не в том мире, а в сем), где

жизнь протекает совсем по другим законам, законам любви, дружбы и всемирного братства.

И когда на Земле есть хоть один жаждущий Искатель, остается надежда, что затерянный в путине жизненных хитросплетений Остров Любви будет все-таки когда-нибудь найден.

Аминь.

Алп Барадж